

МЫ ЖИВЕМ ИЗ ЛЮБВИ
К ТОМУ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2006

МЫ ЖИВЕМ ИЗ ЛЮБВИ
К ТОМУ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2006

На обложке: Шартр, кафедральный собор. *Сотворение Адама* (XI-XIII вв).

© 2006 Fraternità di Comunione e Liberazione

Traduzione dall'italiano di Julja Mospan

Revisione di Olga Yakhno

Edizione fuori commercio

Finito di stampare nel mese di luglio 2006

presso Arti Grafiche Fiorin, Milano

Ватикан, 6 апреля 2006 года

Его Преподобию Отцу Хулиану Каррону
Председателю Братства *Comunione e Liberazione*

Достопочтенный Господин,
в Своем письме от 6 апреля сего года и в соответствующем приложении Вы от имени Братства проинформировали Святого Отца о Духовных Упражнениях, которые пройдут в Римини с 28 марта по 30 апреля 2006 года и будут прочитаны Вами на тему «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас».

Признательный за внимание и заботу, а также за проявленные чувства, Его Святейшество желает, чтобы эти дни размышлений и молитвы привели к обновлению обязательства единения со Христом и верности Церкви, и поручая благополучный исход встречи Пресвятой Деве Марии, с любовью преподает Вам, всем тем, кто примет участие в этом важном духовном начинании, и всему Братству *Comunione e Liberazione* испрашиваемое апостольское благословение.

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить Вам свое почтение.

Преданный Вам в Господе,
Анджело Кардинал Содано, Государственный секретарь

Пятница 28 апреля, вечер

На вход и выход:

Людвиг ван Бетховен, Симфония № 7, ля мажор, оп. 92

H. Von Karajan – Berliner Philharmoniker

“Spirto Gentil”, Deutsche Grammophon (Universal)

■ ВВЕДЕНИЕ

Отец Хулиан Каррон. Исполненные пасхальной радостью, величием Его живого присутствия, начинаем наши Упражнения Братства.

Вначале я хочу поприветствовать всех вас, присутствующих здесь в Римини, и всех тех, кто находится с нами на связи в других Странах.

Упражнения Братства в этом году пройдут в 59 странах. Спутниковая связь установлена между 24 зарубежными странами; в этом году впервые с нами на прямой связи Канарские острова и Эстония. После годового отсутствия снова вышли на связь Румыния и Испания.

В ближайшие недели Упражнения проведут группы Братства в 35 странах; в этом году Упражнения впервые пройдут в Малайзии.

Я хочу поприветствовать от всего сердца каждого из вас, пришедшего сюда со всеми своими чаяниями сердца. Попросим Дух Святой, дабы Он ответил на эти чаяния, и споем все вместе *Снизойди, Дух Святой*.

Снизойди, Дух Святой

Вначале я зачитаю послание, которое прислал мне Государственный Секретарь, как Председателю Братства *Comunione e Liberazione*:

«В Своем письме от 6 апреля сего года и в соответствующем приложении Вы от имени Братства проинформировали Святого Отца о Духовных Упражнениях, которые пройдут в Римини с 28 марта по 30 апреля 2006 года и будут прочитаны Вами на тему «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас». Признательный за внимание и заботу, а также за проявленные чувства, Его Святейшество желает, чтобы эти дни размышлений и молитвы привели к обновлению обязательства единения со Христом и верности Церкви, и поручая благополучный исход встречи Пресвятой Деве Марии, с любовью преподает Вам, всем тем, кто примет участие в этом важном духовном начинании, и всему Братству *Comunione e Liberazione* испрашиваемое апостольское благословение.

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить вам свое почтение.
Преданный Вам в Господе,
Анджело Кардинал Содано, Государственный секретарь».

«Когда мы собираемся вместе, зачем мы это делаем?», спрашивал себя отец Джуссани несколько лет назад. «Чтобы вырвать самих себя, друзей, и, если это возможно, весь мир из того небытия, в котором пребывает каждый человек».¹

По этой же самой причине Иисус приблизился к возвращавшимся в Эммаус ученикам, которые были обескуражены и растерянны после всего того, что произошло. Они тоже начали скатываться в небытие: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен спасти Израиля».² И Христос приближается к ним как раз для того, чтобы вернуть их к жизни, и они осознают, что это Он, Он не дает им скатиться в небытие именно из-за того, что происходит: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?».³ Его присутствие, Его пребывание одерживает победу, Его не пугает падение учеников, Его не пугает их замешательство.

Каждый из нас – подобно ученикам из Эммауса, – знает, каким образом небытие затрагивает нас. Каким образом? В какой форме это может быть? Подозрение, что по сути дела Христос не в состоянии ответить на чаяния сердца. Да, возможно мы приехали сюда с определенным ожиданием, но не преувеличу, если скажу, что приехали, немного сомневаясь в том, что Он действительно сможет ответить, и таким образом мы тоже начинаем скатываться в небытие. И мы можем сказать: «Мы тоже надеялись, вначале, но прошло много лет с тех пор как мы встретили Его», и подобный цинизм может зародиться в каждом, порой нам почти стыдно исповедовать Его. Но Он продолжает приближаться к нам, как две тысячи лет назад к ученикам из Эммауса.

Мне пишет одна из вас, что после того, как она пригласила одного человека на обед к себе домой, пораженная произошедшим, она написала ему: «Дорогой, я очень благодарна тебе за сегодняшний обед. Я была так растрогана от начала до конца, мне даже немного стыдно, что я не могла перестать плакать. Слава Богу, это были слезы, вызванные лишь изумлением перед Ним, очевидностью Его присутствия в твоей личности, и поскольку в эти дни я постоянно спрашивала себя, как я могу предать себя Ему, признать Его с такой простотой, когда хочется только уступать, сегодня я могу сказать, что я не поняла Его, а познала на опыте, глядя на тебя. За это я глубоко признательна тебе».

Так же как и две тысячи лет назад, бросая вызов всякому скептицизму, бросая вызов всякому цинизму.

Мы собираемся для того, чтобы позволить Христу вызволить нас из небытия, в котором каждый из нас пребывает, потому что есть Тот, Кто сильнее небытия.

Мы встретились с христианством у того, о ком Папа сказал: «влюблен в человека, поскольку влюблен в Христа». Мы встретились с тем христианством, тем христианским опытом, который нас заставляет не забывать что-то, но бросает нам вызов, призывает посмотреть в лицо «я», которым является каждый из нас, ничего не исключая, с тем христианством, которое не боится сердца, не боится смотреть в лицо собственным потребностям, не умаляя их, не боится спрашивать: «Что ты хочешь?».

Смотри, смотри на свое сердце, до тех пор пока ты не признаешься себе самому, почему ты считаешь это невозможным. Смотри в лицо всему этому, и даже если у всех нас есть та рана, которая заставляет нас сомневаться в свершении нашего сердца, рана, которая порой заставляет нас говорить «Мы хотим слишком много: нужно довольствоваться меньшим», в нас не побеждает полностью нигилизм, не может победить: самое очевидное доказательство этого то, что мы здесь.

Почему мы здесь? Почему каждый из нас здесь? Зачем мы пошли на такие жертвы, чтобы приехать сюда? Потому что ничто не смогло перечеркнуть ожидание нашего сердца, которое пробудила в нас встреча со Христом.

То, что мы здесь, друзья, – это победа этого ожидания и первое поражение нигилизма. Поэтому самый великий жест, наиболее отвечающий этому ожиданию, наиболее соответствующий этому ожиданию сердца – это просить, дерзать, желать всего того, чего желает наше сердце, выражающее себя в прощении.

Что дает нам уверенность в том, что мы можем просить это? Как и учеников из Эммауса Его присутствие среди нас заставляет нас просить подобно им: «Останься с нами, Господи, сегодня вечером». Мы просим всеми силами нашего сердца: «Останься с нами, Господи, сегодня вечером», дабы исполнились чаяния нашего сердца. Ибо в чем мы нуждаемся подобно ученикам из Эммауса? Чтобы происходило сейчас. Вот тема наших упражнений этого года: «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас».

Мы не можем жить на ренту. Ученики из Эммауса тоже могли признать, что Иисус был могущественным пророком и в делах и в словах, но этого было недостаточно, недостаточно для того, чтобы они

не возвращались домой обескураженными, растерянными. Они нуждались в Его присутствии сейчас, потому что мы живем «только» из любви к тому, что происходит сейчас.

Давайте просить, друзья, поддержим друг друга в эти дни в прощении о том, чтобы это происходило сейчас. *Fac ut ardeat cor meum*, чтобы горело наше сердце, Христе, *Fac ut ardeat cor meum, in amando Christum Deum*,⁴ пусть горит наше сердце так, чтобы мы любили Тебя все сильнее, Христе. Потому что только непрерывное пробуждение этого, непрерывное пробуждение нашего «я», позволяет любить Христа все сильнее.

Мы участвуем не в обряде, а в жесте. Наши упражнения – это тот жест, посредством которого Христос идет навстречу нашей человеческой природе, пораженной своим смертельным недугом. Христос идет нам навстречу в этом жесте: все вверено нашей свободе, нашему простому принятию. Поэтому мы все участвуем в рождении этого жеста своей свободой. Это просто, достаточно отдаться Его присутствию среди нас, тому, как ведет нас этот жест.

Участие в этом жесте подчас требует от нас жертв: переезд, неудобства в пути, каждый из вас знает это. Мы приносим эту жертву ради исхода наших Упражнений, дабы никто не вернулся отсюда обратно в небытие, из которого он пришел, дабы каждый из нас мог увидеть победу Христа сейчас. Жертва, как вопль, как прошение, как прошение тех бедняг, которыми мы являемся.

Молчание, о котором мы просим для участия в этом жесте, при перемещении, по дороге из Отеля на Ярмарку, при входе в Зал и при выходе из Зала, все это для того, чтобы оставить пространство, чтобы Его присутствие могло показать Свою победу.

В христианстве нет ничего сложного, достаточно уступать той привлекательности, которая привела нас сюда.

Я уверен, что Богородица и отец Джуссани поддержат нас в этом жесте, в этой жертве, дабы мы могли подобно им приобщиться к могущественной победе Христа здесь и сейчас.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ПИНО

В тот день Он с необыкновенным изобилием ответил на нужды и чаяния тех людей. Возведя очи, Он увидел, что за ним следует множество людей. Тогда их было пять тысяч, нас в пять раз больше, с теми же потребностями, с теми же искушениями, вопиющие еще громче, поскольку история стала еще более великой.

Как тогда Он использовал то малое, что у них было, для умножения хлебов, так и в это самое мгновение Он использует то, чем являемся мы, для того, чтобы совершить чудо нашего преображения; Он использует нашу свободу, которая есть вопль, или же только лишь дуновение, и прошение, и это уверенное прошение, ибо это дело, это Братство не происходит от человека, оно происходит от Бога, от Бога через человека.

Суббота 29 апреля, утро

На вход и выход:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепьяно ре минор, № 20, К 466

Clara Haskil, фортепьяно

I. Markevitch – Orchestre des Concerts Lamoureux

“Spirto Gentil”, Philips (Universal)

Отец Пино. В Пасхальное время мы начинаем наше утреннее собрание не с *Regina Coeli*, а с *Ангела Господня*, являющегося тем воплем, который изо дня в день пробуждает в нас сознание того, что мы – христиане не в силу этики, не ради некой великой идеи, но благодаря Событию встречи с Присутствием: вести ангела, пробуждающей в нас свободу, «да» подобно тому, как оно расцвело на устах Богородицы, принимающей человеческое присутствие Христа в судьбе, в пути к судьбе каждого из нас.

Ангел Господень

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Наше сердце не заблудилось

Хулиан Каррон. Что самое дорогое есть у нас? «Самое дорогое [в нашей жизни] – это сам Христос, потому что в Нем телесно пребывает вся полнота Божественности».⁵ И мне кажется, что я правильно истолковываю желание всех нас, присутствующих здесь сегодня, самое сильное желание, которое у нас только есть, чтобы Христос становился для нас все дороже: для тех, кто участвует впервые, потому что у них есть предчувствие красоты Христа, а для самых «старых», дабы все больше исполнялось обещание встречи.

Но как может возрасти любовь ко Христу? Только благодаря опыту превознесения человеческого в каждом из нас, благодаря опыту умножения человечности, полноты жизни, насыщенности жизни в каждое мгновение.

Это то, что всегда волновало отца Джуссани: разумность веры. У нашего метода, – говорил он, – есть цель: «Показать отношение веры к потребности жизни», потому что «я глубоко убежден, что вера, которая не обнаруживается и не обретается в настоящем опыте, не подтверждается им, и не может помочь ответить на его потребности, не является той верой,

которая способна устоять в мире, где все говорило и говорит обратное. [...] Показать отношение веры к потребности жизни [...] означает, что вера отвечает основополагающим и изначальным потребностям сердца каждого человека [...] основополагающим потребностям, посредством которых человек, – вольно или невольно, зная или не зная этого, – выносит суждение обо всем, в конечном итоге выносит суждение обо всем».⁶

Харизма, которую мы встретили, – я говорил вам в послании, которое написал Братству, – очаровывает нас все сильнее, только если она становится опытом в нашей повседневной жизни, этим умножением человечности, этой очевидностью соответствия Христа потребностям сердца: ибо таковым было начало нашей веры, как нам напомнил Папа в Энциклике *Deus caritas est*: «У истоков нашего христианского существа лежит не этический выбор и не великая идея, а встреча с событием, с Личностью, открывающими новый горизонт жизни и тем самым придающими ей решающее направление».⁷

Встреча, то есть «я» каждого из нас, пораженное присутствием Христа: пораженное, потому что Он отвечает потребностям сердца, то есть реализует эти потребности, исполняя их. Поэтому с самого начала проверкой христианства было развитие «я», рост нашего «я».

Во встрече, друзья, раскрывается метод каждого шага пути. Что значит рост «я», событие «я»? Пробуждение сердца, открытие разума, вызов свободе и ее свершение, еще большая способность любить, еще большая способность пребывать в реальности всем своим существом.

Встреча со Христом не устраняет религиозного чувства, напротив, она пробуждает его. Отец Джуссани говорил: восприятие этого события Христа воскрешает и умножает изначальную очевидность, образующую религиозное чувство, то есть, наделяет «я» наибольшей способностью пребывать в реальном, глубоко переживать все. Поэтому возникает беспокойство, когда мы обнаруживаем, что «не присутствуем» в реальном.

Один наш друг говорил: «Вчера вечером я был в ассоциации Комета в Комо».⁸ Это было как молния, потому что я оказался перед лицом той реальности, которая такая, какая она есть, обращалась ко мне с вопросом. Не важно, каким я приехал туда вчера вечером, загруженный всем тем, что я должен был делать в последующие дни, усталый, с какими-то мыслями: она захватила меня. Это был толчок чего-то совершенно поразительного, что я и представить себе не смог бы, если бы мне это рассказали другие. Когда я был там на ужине, я спросил себя: где я, когда я работаю, когда возвращаюсь домой? Где я по сравнению с теми, кто переживает всеобъемлющее, абсолютное присутствие перед лицом Христа, с теми детьми, которых приводят и уводят почти каждый день, с такой

способностью быть внимательными, которой я не обладаю по отношению к своим детям, которых я родил вместе со своей с женой? И я почувствовал душевную боль и благодарность от того, что я увидел». «А я где?» Где мое «я», когда я работаю, когда встаю по утрам, когда увязую в повседневных делах? Я присутствую в том, что делаю? Это настоящее лицо нигилизма, который овладевает и нами: это видно из того, что мы не присутствуем в том, что делаем. Это событие – вызов для нашей веры: Христос будет и дальше интересоваться нас, если Он способен ответить на потребность «я», на потребность в настоящем работать, переживать отношения с детьми, наши заботы. Настоящее – это отличительный признак. Если мы не живем настоящим, если Христос не отвечает в настоящем, – мы все это знаем, – у нас начинают возникать сомнения в способности Христа отвечать на нынешнюю потребность. У нас была встреча, это верно, но мы не можем жить на ренту.

1. «Я» в настоящем.

Та драматическая ситуация, в которой мы часто оказываемся, гениально описана одним из персонажей романа Грэма Грина *Конец одного романа*. Этот персонаж говорит «Для меня нет настоящего». Это ужасно: «Для меня нет настоящего».⁹

Это характеристика современного мира, как говорит Пеги: «Современный мир безгранично, всецело выхолащивает настоящее. [...] Над огромным барьером ужесточения, над огромным барьером волн, современный мир безгранично, всецело выхолащивает настоящее».¹⁰

Современность, начавшаяся с желания вернуться к реальности, от всей реальности к «я», вплоть до утверждения своей полной независимости, в конечном итоге все упускает из своих рук.

Паскаль объясняет это совершенно сокрушительно: «Мы никогда не имеем отношения к настоящему времени: предваряем будущее, словно оно слишком медлит с наступлением, как будто, чтобы ускорить его течение, или утверждаем прошлое, словно чтобы остановить его, слишком быстро оно проходит, настолько неосмотрительно блуждаем не в наших временах, и совершенно не думаем о том единственном, что нам принадлежит, настолько суетны, что думаем о тех, кого больше нет и бежим от того единственного, что существует. Дело в том, что обычно настоящее ранит нас. Мы прячем его от своего зора, ибо оно терзает нас, а когда приносит нам радость, мы грустим, что оно уходит [...] Пусть каждый исследует свои мысли: он обнаружит, что они всецело устремлены к прошлому или будущему. Мы никогда не думаем о настоящем, а если думаем, то делаем

это только для того, чтобы его светом освещать будущее. Таким образом, мы никогда не живем, надеемся, что живем, готовимся к счастью, но никогда не бываем счастливыми». ¹¹ Тогда мы удовлетворяемся, и таким образом жизнь становится гораздо труднее.

За подобный конформизм мы платим в повседневной жизни, как говорит Павезе: «Жизнь человека проходит среди домов, в полях, у очага или в постели, и каждый новый день приносит тебе все тот же тяжкий труд, все те же изъяны. Это в конечном итоге надоедает. Есть буря, обновляющая поля: не смерть, не страдания приводят в уныние, а бесконечное напряжение, усилие, чтобы жить из часа в час, известие о чужой беде, беде убогой, надоедливой, как летние мухи: это жизнь, от которой подкашиваются ноги». ¹² От жизни из часа в час подкашиваются ноги.

Единственный способ бежать от настоящего, о котором мы интуитивно догадываемся, – это избегать «я», как описывает Ибсен: «Ты, солнце, что свет свой дарило пустой избушке ... там никогда не бывает владельца». ¹³ Мы владельцы избушки, и нас никогда нет дома, за исключением тех моментов, когда пронизывающая боль или ужасный страх, ненормальный, на мгновение заставляет нас вернуться.

О чем говорит тот факт, что я не присутствую в реальном, настолько, что я с трудом переносу себя и должен бежать из моего жилища? Это случается с нами, после встречи, а не до нее. Тогда чем Христос является для нас? Если меня нет, что такое присутствие Христа? О чем мы говорим, когда мы говорим о Христе? Как мы переживаем на опыте это Присутствие? Это грёзы?

Если Христос не позволяет мне присутствовать со всем моим «я», если Он не берет меня и не позволяет мне стать присутствующим в том, что я делаю, что же тогда значит Христос? Это всего лишь имя, которое не способно увлечь мое «я». Хотите ли вы или не хотите, друзья, но со временем Он перестает нас интересовать, Он не становится самым дорогим. Поэтому самое неотложное – это чтобы Христос не остался просто именем, а становился все реальнее настолько, чтобы позволить «я» пребывать в реальном.

Отец Джуссани говорит нам, что для того чтобы идти навстречу личности Христа, необходима человечность, некая возможность человеческого соответствия с Ним. В книге *У истоков христианского притязания*: «При рассмотрении христианства, нет ничего более важного чем вопрос о реальном положении человека. Было бы невозможно осознать в полной мере то, о чем хотел сказать Иисус Христос, если сначала не осознать природу того динамизма, который делает человека

человеком. Потому что Христос утверждается как ответ на то, чем я являюсь и только прилежное, а также нежное и страстное осознание себя самого может распахнуть меня и позволить мне признать Христа, восхищаться Им, благодарить Его и жить Им». В заключение он говорит: «Без такого [нежного и страстного] осознания себя самого, даже имя Иисуса Христа остается всего лишь именем»,¹⁴ а просто имя не позволяет нам осознать реальное, не захватывает нас.

Я могу признать то, чем является Христос, если осознаю свое собственное «я». Мы обычно стремимся быть диалектиками: если мы говорим о сердце, о «я», мы как бы исключаем Христа, а если говорим о Христе, исключаем сердце.

Сила харизмы, посредством которой мы встретили и усвоили христианство, заключается во взаимной ссылке «я» и Христа, в том, чтобы никогда не говорить об одном без другого. Очарование отца Джуссани заключалось именно в этом: он говорил о «я» так, как можно было говорить только потому, что есть Христос, он говорил о «я» так, как было бы невозможно, если бы «я» не было охвачено Христом, или же говорил о Христе со всей человеческой глубиной своего «я». Какой уж тут дуализм, какое тут просто имя!

Поэтому несколько лет назад отец Джуссани говорил: «В этот исторический момент, когда на нас ложится тяжелым грузом огромная ответственность за преобразования и пример, христианин должен быть достаточно крепок». И добавлял: «Христианин крепок, когда: 1) *почеловечески крепок*, то есть утверждает собственное сердце перед лицом всего сущего; 2) *признавая Христа*, без которого утверждение собственного сердца разлетается на кусочки».¹⁵

Сердце и Христос. Единственная возможность, чтобы Христос не остался только именем – это стать для сердца человека ответом; единственная возможность для сердца не разлететься на кусочки – это Христос.

2. Сердце

Мы все помним, как начинается книга *В поиске человеческого лица*: «Наибольшее препятствие на нашем человеческом пути – это пренебрежение собственным «я». Противоположность подобному пренебрежению, то есть интерес к собственному «я», и есть первый шаг по истинно человеческому пути. Наличие такого интереса, казалось бы, естественно, тем не менее, это совсем не так: достаточно взглянуть, какие обширные пустоты обнаруживаются в повседневном течении наших мыслей, какие провалы в памяти».¹⁶

Подобное пренебрежение «я», – он всегда на этом настаивает, – имеет отношение к вере. Причина, по которой люди больше не верят или верят, не веря (то есть сводят веру к формальному, обрядовому приобщению к жестам или к морализму) заключается в том, что они не живут своей человечностью, не вовлечены в собственную человечность.

Что значит быть вовлеченными в собственную человечность? Быть вовлеченными в свое собственное «я», такое, какое оно есть, каким оно мне было дано.

«Я» – это событие сердца, то есть той реальности, желания и потребности которой можно описать, все они ссылаются, опираются на главное желание, главную потребность, которая не может быть реализована, потому что чем глубже ты идешь, тем сильнее это желание становится.

Человеческое «я» – это событие, характеристикой которого является то, что Библия называет сердцем, неистощимое желание счастья и свершения. Быть вовлеченным в свою человечность – значит серьезно относиться к этому сердцу, к этому неистощимому желанию счастья и свершения. Какое уж тут сведение сердца к чувству! Это неистощимое желание, эта структурная несоизмеримость и образует нас.

Почему нужно быть вовлеченным в это сердце? Потому что это сердце, – говорит отец Джуссани, – является главным критерием рассмотрения всего сущего, это высший критерий для обнаружения истины человека, для определения истинного.

Этот критерий, то есть сердце, с помощью которого мы вовлекаемся во всеобъемлющее сопоставление со всем сущим, имеет две характеристики.

а) Это *объективный* критерий. Я зачитаю: «Основополагающий критерий оценки, – говорится в *Религиозном чувстве*, первая глава, – это объективный критерий, с помощью которого природа вовлекает человека во всеобъемлющее сопоставление, наделяя его изначальными потребностями, исходным опытом»,¹⁷ то есть сердцем. Мы всегда подозреваем, что сердце субъективно. Нет, сердце является этим объективным критерием, и гениальность отца Джуссани заключалась в том, что он признал это. Почему объективным? Потому что он дан нам вместе с нашей природой; эту несоизмеримость, которую мы обнаруживаем внутри себя, это неиссякаемое желание счастья и свершения мы не даем себе сами, мы не можем им манипулировать, мы обнаруживаем его внутри себя, нравится нам это или нет: он объективен, дан. И гениальность отца Джуссани заключается в признании этого объективного критерия внутри субъекта, и в то же самое время в признании того, что этим критерием субъект не может манипулировать.

Это истинная, прекрасная современность отца Джуссани: утверждать субъект, но внутри субъекта утверждать данный, объективный критерий.

б) Вторая характеристика состоит в том, что этот критерий является *безошибочным*. Да, вы правильно расслышали, безошибочным. Как критерий, – говорит отец Джуссани в *Можно ли (действительно!?) жить так?*, – эти изначальные потребности безошибочны. Этот критерий настолько объективен и безошибочен, что непрестанно раскрывает ложность создаваемых нами образов сердца, потому что чем больше мы вовлекаемся в реальность, какой бы образ мы ни создавали, тем больше опыт обнаруживает ложность образов.

Приведу пример. Я знаю двух молодых людей, которые должны вот-вот пожениться. Они начинают готовиться, говорят с одной подружкой и та бросает им вызов, прежде всего молодому человеку: «Подумайте хорошенько, действительно ли вы подходите друг другу». Молодой человек уходит после этого первого разговора просто взбешенным, потому что он говорит: «Что ты себе позволяешь? Я несколько лет ждал, когда эта девушка станет моей: я познакомился с ней в школе, потом наши дороги разошлись. Сейчас, когда мы снова встретились, ты нам задаешь подобные вопросы: ты с ума сошла?» Не испугавшись, при следующей встрече он рассказывает ей это, и подружка смотрит ему в лицо и снова спрашивает: «Она подходит тебе или нет? Она в состоянии исполнить это неисчерпаемое желание твоего сердца?» «Нет», говорит молодой человек. Человек может раздражаться сколько хочет из-за образа сердца, того, что соответствует, но когда он проверяет это на опыте, он осознает, что существует критерий, которым он не может манипулировать, который дает ему понять, что ему не соответствует.

Еще один человек мне пишет: «Долгое время я принимала мечты за желания. Вначале я ясно поняла, что Христос – это ответ на желание моего сердца, но затем в процессе, я сказала себе: на это он не может ответить. И так я заставила молчать свои желания. В этом году, слушая призыв сердца, я поняла, что я путала желание моего сердца с грезами, и сейчас я вижу, что то, что мы говорим, пробудило мое сердце, раскрыв его истинную природу ожидания». Мы осознаем эту объективную и безошибочную природу сердца, только когда мы действительно вовлечены в реальность, в то, что мы испытываем, а не когда мы представляем это вне опыта. Именно в опыте раскрывается сердце с той объективностью и с той безошибочностью, которая помогает избежать любого заблуждения.

Обычно мы путаем сердце как *критерий* (то о чем я говорю), который безошибочен (эта структурная несоизмеримость безошибочна, не я дал ее себе), и сердце как *суждение*, то, что подчас критерий может применяться

неправильно, как, – приведу банальный пример, – математическая формула для определенных задач: она правильная, но она может неправильно применяться. Но то, что я плохо применяю формулу, не означает, что формула ошибочна или у меня должны возникнуть сомнения по поводу формулы: я должен научиться использовать ее. Сердце объективно и безошибочно как критерий, но может неправильно применяться, как суждение, он может быть применен неправильно. Ошибки в применении не могут поставить под сомнение действительность формулы. Поэтому, так как это является решающим, – говорит нам отец Джуссани, – для того чтобы признать Христа, прежде всего, мы должны испытывать привязанность к нашему сердцу, к нашему «я», нежность к себе самим. Именно внимательное, нежное и страстное сознание себя самого, то есть своего сердца, позволит мне восхищаться Христом и признавать Его. Поэтому именно эта нежность по отношению к себе самому может помочь мне признать Христа.

«Человек, – говорил он, – должен говорить «я» с долей любви Того, Кто его сотворил, потому что если человек создан по образу Бога, то ничто не делает его подражателем Богу так, как любовь к себе».¹⁸ И это любовь не к себе абстрактному, а к конкретному «я», к себе таким, какими мы были созданы. Сердце – это главное средство человеческого пути. Не случайно отец Джуссани вводит его в начале человеческого пути (первая глава *Религиозного чувства*). Неиспользование сердца как критерия суждения обо всем, в результате чего мы ни о чем не выносим суждения, приводит нас к полной растерянности, в которой мы подчас пребываем. Как говорит Ханна Арендт: если мы не выносим суждения, «все факты могут измениться, а всякая ложь стать истиной. [...] Реальность [...] превратилась в нагромождение постоянно изменяющихся событий и лозунгов, где одно и то же сегодня может быть истинным, а завтра ложным. [...] То, с чем мы сталкиваемся – это не столько идеологическая обработка, сколько неспособность или неготовность отличать факты от мнений».¹⁹

Если мы не используем сердце, не сопоставляем все с сердцем, «я» ослабевает, аннулируется личность «я», что делает нас все более слабыми и запутавшимися перед лицом всего сущего; жизнь, которая нам дана ради этого захватывающего приключения все большего познания значения всего сущего через вынесение суждения обо всем с помощью потребностей сердца, с каждым разом становится все более запутанной.

«Мы переживаем, – говорит Финкилькраут, – момент *feelings*: нет больше ни истины, ни лжи, ни стереотипов, ни выдумки, ни красоты, ни обезображенности, есть лишь некая бесконечная палитра различных и одинаковых удовольствий».²⁰

Эта позиция противоположна позиции того, кто приучился использовать сердце как критерий суждения и судит обо всем, как гениально описывает Гуардини: «У всего конечного, – говорит он, – есть изъяны, а изъян разочаровывает сердце, стремящееся к абсолютному. Разочарование растет, превращается в ощущение пустоты.. Нет ничего такого, ради чего стоило бы жить. Нет ничего достойного того, чтобы мы этим занимались».²¹ Ощущение особенной неудовлетворенности вызывает у нас конечное, поэтому мы останавливаемся, пугаемся этого, но это всего лишь первый шаг. Гуардини продолжает: «Именно меланхолик устанавливает более глубокие отношения с полнотой существования. [...] Бесконечное свидетельствует о себе в затворе сердца. Меланхолия – это выражение того, что мы ограниченные создания, но живем рядом с [...] «абсолютным»; [...] живем рядом с Богом. Мы призваны Богом, избраны принимать его в нашем существовании. Грусть – это цена рождения вечного в человеке. Грусть – это беспокойство человека, который ощущает близость бесконечного».²²

Даже Кафка признавал критерий сердца: он называл его «центром притяжения». «Как и в любом другом, – говорит он, – во мне тоже с самого рождения есть центр тяжести, который даже самое сумасшедшее воспитание не может сместить. У меня до сих пор есть этот центр тяжести, но некоторым образом больше нет соответствующего тела».²³ Хотя соответствующего тела нет, центр тяжести существует; я понимаю, что нет соответствующего тела, потому что есть центр тяжести.

Но даже Кафка, который говорит, что нет тела, соответствующего этому центру тяжести, желает этого. Это невыносимо! Мы не можем не желать, как он сам говорит в *Афоризмах Цурау* «Эта жизнь нам кажется невыносимой, но другая недостижима. Мы больше не стыдимся того, что хотим умереть, мы просим перевести нас из ненавистной нам старой камеры в новую, которую мы быстро научимся ненавидеть».²⁴ Это обычный механизм: менять обстоятельства (одну камеру на другую). Но даже Кафка, как и все мы, надеется, что во время перевода Господь случайно пройдет по коридору, посмотрит в лицо узнику и скажет: «Не заключайте этого больше. Он пойдет со мной». Ему хотелось бы, чтобы «соответствующее тело» существовало: тот, кто проходит между одной камерой и другой. Итак, тело, соответствующее этому центру тяжести, существует.

Сердце Иоанна и Андрея «в тот день натолкнулось на некое присутствие, которое неожиданно и очевидно отвечало желанию истины, красоты, справедливости, которое образовывало их простую и несомнамную человечность. С тех пор, хотя и предавая Его или неправильно понимая тысячу раз, они не оставляли Его, став «Его».

Есть тело, соответствующее этому центру тяжести, образующему сердце, есть. Почему есть? Потому что они навсегда стали «Его».²⁵

3. Христос

Как они признали тело соответствующее их центру тяжести? «Мы можем только признать, – говорил несколько лет назад Кардинал Ратцингер, – то, что нам соответствует».²⁶ Мы можем признать, что соответствует нашему сердцу, высшему критерию суждения, есть ли нечто такое, что мы встречаем в жизни, что овладевает всем нашим сердцем, делая нас Его людьми.

Это событие. «Истина, – говорит Верфель, – заключается лишь в силе такого события, а не воплях мыслителей».²⁷ То, что происходит, – это единственное, что способно сделать так, чтобы мы сами всецело присутствовали сейчас. Вот истина: событие. Левинас говорит: «Благо [...] овладело субъектом еще до того, как у субъекта появилось время, или необходимая дистанция для выбора. Нет более полного подчинения, чем тот трепет, который внезапно вызывает Благо: это избрание, конечно же».²⁸ Благо, которое завладевает субъектом, как присутствие Христа завладело сердцем Иоанна и Андрея.

Это переплетение между «я» и Христом. С одной стороны сердце, которое не позволяет поддаваться какому-либо умалению христианства, будь то этика, проповедь или организация, потому что они не затрагивают «я». С другой стороны Христос, который не может быть сведен ни к речам, ни к морализму, потому что они не позволяют нам присутствовать в реальном, не затрагивают наше сердце.

Быть захваченными, стать Его – это постоянная проверка того, присутствует ли Христос или нет. Мы познали Христа, как его познали Иоанн и Андрей: благодаря возникновению соответствия. Когда это не повторяется, мы не говорим о Христе, мы говорим о других вещах. То, что мы признаем присутствие Христа, видно по способности «я» быть целиком охваченным, целиком присутствовать в реальности сейчас, а для этого необходимо плотское, историческое присутствие. Как говорил святой Бернард: «Любовь сердца, в некотором смысле, плотская, волнует человеческое сердце прежде всего в отношении плоти Христа и того, что в плоти Христос сотворил и повелел. [...] Я полагаю, что это главная причина, по которой Бог невидимый возжелал стать видимым в плоти и жить как человек с людьми: чтобы сначала направить к целебной любви к его плоти чувства тех, кто способен только на чувственную любовь, и таким образом постепенно привести их к любви духовной».²⁹ Об этом напоминает нам Папа

в энциклике: «Истинная новизна Нового Завета состоит не в новых идеях, а в самой фигуре Христа, который облекает в кровь и плоть идеи, – неслыханный реализм», и таким образом увлекает, привлекает нас к себе, как привлёк Иоанна и Андрея. Он непрестанно дарует и увлекает ввысь к Себе, – говорит Папа, – и таким образом мы станем Его. «Мы не получаем один лишь статический воплощенный *логос*, – говорит он, – но вовлекаемся, увлекаемся в динамику Его дарения».³⁰

Захваченные. Отец Джуссани в прекрасном разделе «Первый План» на Рождество говорил нам: чувствовать себя захваченными любовью, которая нас захватила, Тем, Кто захватил нас, чувствовать себя захваченными этим Присутствием, чувствовать себя захваченными тем, что произошло, присутствием того, что произошло. [...] Эта *нежность* в миллион раз сильнее, острее, проникновеннее, чем объятия, в которые заключает мужчина женщину, брат своего брата».³¹

Кто-то произошел с нами, захватил нас с такой силой, что завладел всем нашим сердцем. Если человек не чувствует охваченным себя в такой мере, то такое совпадение невозможно: остается расстояние между настоящим и «я». Что такое Христос, о чем мы говорим, когда говорим о Христе, если Он не захватывает нас? Он кажется нам некой абстракцией. Но отец Джуссани говорит нам: то, что нам кажется абстракцией, не является Христом, потому что Христос настолько могущественен, настолько реален, настолько очарователен, что сильнее объятий, в тысячу раз сильнее объятий, в которые мужчина заключает свою женщину.

«Я» со всей потребностью сердца, целиком охваченного присутствием Христа: это нельзя понять, размышляя, нужно смотреть на опыт. Человек отдает себе отчет в том, что все присутствует, глядя на опыт, как когда человек влюблен, и останавливается, устремленный к лицу любимого человека, и осознает, глядя на этот опыт, что он там, присутствует всем своим «я». Поэтому нужно смотреть на этот опыт внутри сознания тождественности, – говорил отец Джуссани, – между мной и тобой, тебя со мной, лучше внутри сознания этого события, которое обосновалось во мне, этого Ты, которое есть я. А где я? Я там, где есть такое Ты, где есть Ты Христа, такое реальное, что захватывает все мое «я».

Это метод не только встречи, но и каждого шага в пути. Если мы оставим сердце позади, мы не сможем признать Христа, потому что метод всегда был таковым: «я», которое непрестанно застигает в настоящем соответствии Христа. Сердце – это не то осложнение, которое нужно оставить позади, это способ обнаружить, признать Христа. Это не предпосылка, это критерий для того, чтобы признать то, что мне соответствует.

«Многие годы, – говорил мне одна женщина, – я боялась своего сердца, я чувствовала свое сердце, но не знала как вести себя с ним, оно пугало меня. Сейчас я могу смотреть на того, кто не боится моего сердца, и наконец могу относиться к себе иначе, не подавляя и не скрывая чувства, говорить «я» всем своим существом. Это не устраняет трудностей или страха, но я могу смотреть на пройденный уже и надежный путь и тот, который сейчас указывается и предлагается моей свободой».

И другая: «Я нашла минутку, чтобы написать тебе свое впечатление о вчерашнем ужине. Благодарность бесконечна, потому что даже если работа мне нравится и в целом все идет хорошо, иногда мне кажется, что сердце разорвется от того, что я желаю так много всего: выучиться на архитектора, сделать что-то значительное, быть со своим любимым. Учитывая, что в жизни все хорошо, и что, – как замечает мне мой папа, – нужно быть реалистами и практичными, в конечном итоге изначальное воодушевление всегда ослабевает, и подчас потому, что я сама считаю его наивным. [Посмотрите, если не соответствует, мы считаем это наивным, после произошедшей встречи]. Находиться с тобой и твоими друзьями, живущими не умаляя желаний, побуждающего к действию, освобождает сердце».

Встреча, повторяющаяся в настоящем, даже если я в данный момент считаю ее наивной, снова освобождает сердце. Чтобы подойти ко Христу, не нужно какое-то особое «я». Для того чтобы приблизиться к Тайне, – говорил нам отец Джуссани в тексте об Исповеди, – нужно лишь сознание нашей никчемности, что еще больше чем ничто, сознание нашей главной неспособности, нашего постоянного предательства, нашей виновной нищеты, [...] нашей неверности, нашей потворствующей неспособности, нашего ничтожного существа». ³² Ты идешь на эту встречу так, как ты можешь, подобно слепому из Иерихона: «Приходят в Иерихон, и когда выходил Он из Иерихона с учениками своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус. Сын Давидов! Помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: сын Давидов! Помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от меня? Слепой сказал Ему: Учитель! Чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге». ³³

Это красота, убеждающая людей в ином Присутствии, которое существует. Именно эта красота вырывает нас из небытия, именно эта

красота способна увлечь «я» и сделать его присутствующим. Об этом напоминал Кардинал Ратцингер в своем выступлении на Митинге 2002, цитируя Платона: «Красота избавляет наше сердце от приспособления к повседневности, от падения в небытие, от неприсутствия перед самими собой».³⁴ Но Платон не знал, что это за красота, он не называет красоту по имени.

Византийский богослов XV века Николай Кабазилас дает имя тому опыту, о котором говорит Платон. Он говорит: «Люди, имеющие в себе столь сильное желание, что оно превосходит их природу, и они жаждут и желают больше, чем то, что человеку соответствует желать, эти люди были поражены самим Женихом. Он сам направил в их очи горящий луч своей красоты. Глубина раны говорит о том, какова была стрела, а по силе желания можно догадаться о том, кто эту стрелу выпустил».³⁵

Ратцингер комментирует: «Красота ранит, но именно так она призывает человека к его Судьбе», пробуждает «я», делает его присутствующим. «Встреча с красотой [Христа] может стать той стрелой, которая ранит душу, и таким образом она открывает глаза, так что душа, исходя из опыта, получает критерий суждения»,³⁶ чтобы признать Того, кто ей соответствует.

Христианство как красота не может не ранить непрестанно, в каких бы условиях мы ни находились, оно берedit старую рану. Как никто не может избежать того, что горы красивы, никакая власть этого мира не может избежать того, что горы красивы, поэтому никакая власть этого мира не может покончить с христианством: оно всегда в каждом из нас будет берedit старую рану, и непрестанно будет охватывать нас. Такова наша надежда: и таким образом Христос нам будет все дороже.

«Возьми душу мою, – говорил Жан Леклерк, – и наполни ее Твоим присутствием».³⁷

СВЯТАЯ МЕССА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА МОНСЕНЬОРА СТАНИСЛАВА РЫЛЬКО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАПСКОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ МИРЯН

Дорогие друзья, сердечно приветствую всех вас, собравшихся здесь в таком количестве на ежегодные Духовные Упражнения Братства. Когда я смотрю на вас, я думаю обо всех членах движения *Comunione e Liberazione*, разбросанных по семидесяти странам пяти континентов и в эти дни собирающихся в этот значимый период сосредоточенности, молитвы, размышления: на встречу с Господом, которая поднимает дух, придает силы, вновь наполняет смыслом наш путь. Я приветствую отца Хулиана Каррона, которому я глубоко благодарен за дар его дружбы и за щедрую готовность сотрудничать с Папским Советом по делам Мирян. Я приветствую также профессора Джорджо Феличиани, заместителя председателя Братства и верного консультанта Совета по Делах мирян, уже многие годы пользующегося его услугами как специалиста.

Дорогие друзья, я рад приглашению предстоять на этом Евхаристическом богослужении, и хочу, чтобы мое присутствие среди вас стало знаком глубокой связи, соединяющей вас через Ведомство, которое я имею честь возглавлять, с Престолом Петра, и выражением отеческой любви пастырей Церкви, – как часто говорил мне отец Джуссани в отношении движения.

Святой Иоанн, как мы скоро услышим, пишет: «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1Ин 1,8). Начинаем наше богослужение пред лицом Господа в истине и признавая наши грехи. С раскаянием и смирением вместе скажем: *Исповедуюсь перед Богом Всемогущим...*

ПРОПОВЕДЬ

1. Дорогие друзья, совершающий духовные упражнения входит в иное время, отличное от обычного, – время священное, исполненное присутствия и особой близости Бога. Духовные упражнения – это истинный *kairys*, время прохождения Господа, идущего навстречу лично каждому из нас. Это время, когда Христос говорит нашему сердцу, всегда по-новому и все глубже, о том, что в нашей жизни является самым главным.

На эту встречу с Господом каждый из нас приходит с бременем множества проблем и вопросов, которые тревожат нас, поскольку мы не можем найти на них ответ самостоятельно. Вот особая тема вашего размышления в эти дни: «Где та жизнь, которую мы потеряли, живя?». Этот вопрос, сформулированный Элиотом с гениальной точностью, снова становится безотлагательным в нашем драматически и беззаботно поверхностном, рассеянном и растерянном мире. «Где наша жизнь?», «Где моя жизнь?».

Дорогие друзья, сегодня необходимо бодрствовать, чтобы не лишиться собственной жизни; чтобы наша идентичность, наше сознание, наша свобода не оказались во власти антиклерикальной и отдаляющей от церкви культуры, различного рода идеологий, моды, очередного *opinion leader*. Риск реален, и мы должны понимать это. Таким образом, Духовные упражнения – это и время для того, чтобы вновь взять под уздцы собственную жизнь, чтобы исправить, если это необходимо, ее направление и обновить обязательство отвечать за свои решения перед Богом. Ибо Он является истинным гарантом нашей субъективности, нашей свободы, полностью удавшейся и счастливой жизни.

Потребность в свете, которую каждый из нас несет на духовные упражнения, – потребность в истинном свете, способном изгнать мрак нашего существования, – поддерживается ободряющей уверенностью, которую вселяет в нас святой Иоанн в первом послании: «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы (...) Если же ходим во свете (...) то имеем общение друг с другом» (1Ин 1,6). Христиане призваны жить в объятиях этого света, но не как одинокие и изолированные существа, а пребывая в общении с другими, как народ, как Церковь. Во время духовных упражнений Господь призывает нас впустить свет Его слова и Его любви во все сферы нашей жизни, во все ее уголки, даже в самые сокровенные и далекие. Он призывает нас к более глубокому общению с Ним и с братьями. Бог есть свет. И этот свет преображает нас и возрождает нас воистину, свет, благодаря которому мы можем вновь обрести жизнь, «которую мы потеряли, живя». Чудо, совершающееся в таинстве: Примирения и Евхаристии.

2. Если мы ходим во свете. – пишет святой Иоанн, – то мы имеем общение друг с другом. Мы все нуждаемся в подобном присутствии, и прежде всего в присутствии святых, учителей жизни, у которых мы можем научиться многому. Как раз сегодня церковь отмечает праздник святой Екатерины Сиенской, учителя Церкви и покровительницы Италии. Скромная терциарка св. Доминика повлияла на жизнь не только своей

страны, но и Церкви в мрачный период в том числе и для папства. Екатерина, ориентир и критическое сознание для понтификов и для великих людей своего времени, чье участие в мирских и церковных делах было очень мощным, стала тем великим созерцателем, которого Бог ввел в бездны Своей Тайны! О своем глубинном опыте Тайны она пишет: «Ты, Троица вечная, подобна глубокому морю, в котором я чем больше ищу, тем больше нахожу; и чем больше я нахожу, тем сильнее желание искать Тебя. Ты ненасытна; и душа, насыщаясь в Твоей бездне, не насыщается, ибо непрестанно алчет Тебя, все сильнее жаждет Тебя, о вечная Троица, желая видеть Тебя в свете Твоего света. Я изведала и увидела светом разума в Твоем свете Твою бездну, о вечная Троица» (Диалог о Божественном Проведении). Это поразительный мистический комментарий к словам Иоанна: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1Ин 1,5). Подобно мудрым девам из евангельской притчи Екатерина исполнена премудрости, происходящей свыше и может многому научить нас, мужчин и женщин двадцать первого века, страдающих губительной активностью, заставляющей нас думать, что мы живем насыщенной жизнью, а на самом деле мы теряем жизнь. Всем нам эта святая говорит, что созерцание является обязательным аспектом жизни крещенного. Восприимчивость к мимолетному, типичная для наших времен и нашего общества, поражает и христиан, и подчас мы забываем, что существует только один способ «не потерять жизнь, живя», не дать лишиться себя того, чем мы являемся: быть крепко связанными с Богом, привитыми к Нему как ветви на виноградной лозе, то есть, вести поистине созерцательную жизнь. Сегодня распространено такое представление о созерцании, которое ошибочно отождествляет его с бегством от реальности. Это не так. Действительности соответствует обратное: созерцание Тайны – это свет, освещающий мрак и позволяющий видеть больше и лучше; таким образом, это путь вновь почувствовать себя творением, личностями, детьми Божьими, путь, позволяющий вновь обрести свою жизнь. «Он Господь твой, и ты поклонись Ему» (Пс 45 (44),12) повторяли мы в ответном псалме. Только преклоняясь в созерцании пред чарующей тайной Бога, человек как никогда становится самим собой, как никогда велик. Потому что именно этот акт поклонения возвышает его достоинство, делающее его истинным субъектом его поступков, позволяющее ему действительно пребывать там, где кипит жизнь мира. Это я испытываю каждый раз, когда посещаю монастырь Трапписток Виторкиано, погруженных в созерцательную молитву и необыкновенным образом находящихся в сердце жизни мира и Церкви. Духовные упражнения – это особая возможность обнаружить в созерцании несущий

аспект нашей жизни как христиан. Созерцание не является чем-то факультативным или вспомогательным, это жест, необходимый для каждого христианина, кем бы он ни был, мирянином, священником или монашествующим. Мы все призваны стать «созерцателями в действии»! Дорогие друзья, то сцепление с тайной Божией, вы, присутствующие сегодня здесь, обрели его в движении. В той встрече, благодаря которой вы поняли, что погружение в Христа – это путь для того, чтобы расти в человечности, чтобы «стать больше», чтобы быть христианами в большей мере участвующими, и участвующими по-новому в жизни Церкви и мира, чтобы обрести ту жизнь, которую мы постоянно рискуем потерять. И по случаю Духовных Упражнений, как не благодарить Господа за эту столь важную принадлежность, воистину преобразовавшую жизнь каждого и каждой из вас?

3. В заключение я хочу коротко упомянуть о том церковном событии, которое ожидает нас в Риме в Навечерие Пятидесятницы: о встрече Святого Отца с церковными движениями и новыми общинами. Как и слуга Божий Иоанн Павел II, папа Бенедикт XVI очень привязан к новым общинам, возникшим в Церкви, и в своих пастырских программах он уделяет большое внимание этому великому знаку надежды, каковым являются харизмы, щедро даруемые Святым Духом Церкви наших дней. 3 июня церковные движения и новые общины приглашены дать общее свидетельство своей любви к Церкви и своей верности ее миссии в мире. Папа хочет встретиться с вами, и это будет еще одна бесценная возможность внимать как всегда точному и пронизательному слову его учительства. Это важная встреча, на которой мы обязательно должны присутствовать. Благодарю за щедрое сотрудничество Братства в подготовке этого события, увидимся на Площади Святого Петра!

ПЕРЕД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Каррон. Я хочу поблагодарить от имени всех вас Его Преосвященство Монсеньора Рылько, прежде всего за обновление и укрепление Его отеческой любви в отношении опыта нашего движения, и не только в силу его служения, но и благодаря истинной дружбе.

Мы также хотим поблагодарить его за то, что он поддержал решение Святого Отца Бенедикта созвать нас в Риме 3 июня: пусть это поможет нам все более живо осознавать принадлежность Христу и Церкви в верности харизме отца Джуссани.

Спасибо!

Монсеньор Рылько. Пусть эти Духовные упражнения принесут многие плоды в жизни каждого и каждой из вас.

И спасибо еще раз за это прекрасное свидетельство веры, которое вы подаете здесь в Римини в эти дни. Это великий знак надежды не только для всех вас, но и для всей Церкви.

Еще раз сердечно приветствую всех тех, кто следит за нами по спутнику, благодаря современным технологиям, позволяющим нам приобщиться в наши дни к этому великому чуду пятидесятницы, к присутствию Господа среди нас.

Еще раз спасибо и увидимся на Площади Святого Петра!

Суббота 29 апреля, день

На вход и выход

Антонин Дворжак, Трио № 4. ми минор, ор. 90 «Думки»

Пражское трио

“Spirto Gentil”(Universal)

Хулиан Каррон. Поблагодарим Патриарха Венеции Его Высокопреосвященство Монсеньора Скола за направленное нам послание:

«Возлюбленные, «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас». Это глубокое утверждение дорогого нам Монсеньора Луиджи Джуссани открывает сердце и разум к преображению. То, что происходит сейчас, среди последователей Того, Кто умер и воскрес для нас, – это Его объективное присутствие, которое является для нас залогом свершения. Любовь таким образом становится заповедью, потому что, – как нам напоминает Святой Отец в *Deus charitas est*, – Иисус дарует нам Себя как живое и личностное милосердие. И в этом году в вере и в таинствах Церкви обновляется по случаю Упражнений чудо воскресения нашего «я» ряди блага всех людей, наших братьев. Да направляет Пресвятая Дева свободу каждого к тому смиренному «да» сыну Ее Иисусу, неиссякаемому источнику непрестанно обновляемого очарования христианского события. В Господе приветствую вас, и благословляю. Анджело Кардинал Скола».

Я приветствую и благодарю за участие присутствующих здесь Епископов. Приветствую Его Преосвященство Монсеньора Джанни Данци, Архиепископа Лорето; Его Преосвященство Монсеньора Луиджи Негри, Епископа Сан Марино-Монтефельтро; Его Преосвященство Монсеньора Джанкарло Вечеррика, Епископа Фабриано-Мателика; Его Преосвященство Монсеньора Доменико Грациани, Епископа Кассано-Ионио; Его Преосвященство Монсеньора Пьерджорджо Дебернарди, Епископа Пинероло; Его преподобие Отца Массимо Ченчи, заместителя секретаря Конгрегации Евангелизации Народов.

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Сила Его воскресения (Флп 3,10)

Есть только одна возможность, чтобы произошло то, что мы сейчас только что спели, – «наше сердце не заблудилось»: ³⁸ необходимо

присутствие Того, кто соответствовал бы неисчерпаемым образом нашему сердцу. Не всякий, а Тот, Кто соответствовал бы. Иначе, как обычно происходит в жизни, что-то захватывает нас и затем со временем разочаровывает, и в конечном итоге наше сердце погибает. Не всякий, а Тот, Кто соответствует, то есть Христос. Тот, Кто соответствует в настоящем, сейчас. Поэтому прав Святой Павел: «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна». ³⁹ Но Он воскрес: «Я с вами во все дни до скончания века». ⁴⁰ Это возможность свершения нашего сердца.

1. Воскресение Христа

Это то, что случилось прежде всего в человеке Иисусе, как нам объяснил папа Бенедикт во время Навечерия Пасхи: «Его нет здесь. Он воскрес». Это утверждение Евангелия возвещает нам, что Христос не остался во гробе, Его тело не узнало тления, Он принадлежит миру живых. Но затем Папа объясняет: «В чем собственно состоит воскресение? Что оно значит для нас?». Оно не означает только оживление мертвого тела. «Воскресение Христа есть нечто большее, это нечто иное. Оно есть, – мы можем один раз использовать (говорит Папа) язык теории эволюции, – самая великая «мутация», самый решающий скачок к совершенно новому измерению, [...] скачок на совершенно новый уровень, который касается нас и затрагивает всю историю». ⁴¹

Но что, продолжает спрашивать себя Папа, что случилось с Иисусом? «Иисус уже не во гробе. Это совершенно новая жизнь. Но как это произошло? [...] Решающим является то, что этот человек Иисус не один, не есть «я», замкнутое в себе самом. Он был един с Богом живым, пребывал с Ним в таком единстве, что образовывал с Ним единое лицо. [...] Его жизнь была не только его жизнью, но и жизненным общением с Богом, бытием, включенным в Бога, и поэтому на самом деле ее нельзя было отнять у Него. [Потому что] Его жизненное общение с Богом было жизненным общением с любовью Бога, и эта любовь [которой Иисус предает себя] является истинной силой против смерти, она сильнее смерти. [Поэтому] воскресение, – говорит в заключение Папа, – положило начало новому измерению бытия, жизни, в которое в преобразованном виде была включена материя и через которое обнаруживается новый мир». ⁴²

Человек Иисус, который всецело предал себя любви Отца, видел, как эта любовь, когда человек оставляет пространство силе любви Бога, преображает все «я»; Его общение с Отцом позволило Иисусу победить смерть: потому что Он всецело предал себя любви Бога, Он смог узреть силу этой любви и поэтому Иисус, Иисус воскресший, Иисус Христос

воскресший может стать другом каждого из нас в каждое мгновение нашей жизни. Мы не остаемся один на один с нашим ничто, с нашей немощью, с потребностью нашего сердца: с нами Некто, живущий ныне.

Первыми, кто пережил опыт того, что означало Его воскресение, были ученики. Евангелия совершенно не боятся представлять их такими, какие они были после смерти Иисуса: растерянными (говорит Евангелие от Матфея: «Все ученики, оставив Его, бежали»),⁴³ испуганными («Двери дома были заперты из опасения от Иудеев»);⁴⁴ женщины «побежали от гроба, их объял трепет и ужас»;⁴⁵ апостолы были смущены и полны сомнений – «Что смущаетесь и для чего такие мысли входят в сердца ваши?»⁴⁶ – так, что Иисус вынужден упрекать их за их неверие; разочарованные ученики из Эммауса («А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля»);⁴⁷

И снова отличительным признаком является настоящее. Того, что они видели, было недостаточно, всех чудес было недостаточно для того, чтобы они не испугались, не растерялись и не разочаровались: смерть Иисуса настолько потрясла их, что разрушила их надежды. «Мы надеялись» осталось бы навсегда эпитафией их жизни с Иисусом. Воспоминаний о прошлом было недостаточно, чтобы сделать Его присутствующим ныне. И если настоящее не имеет силу сейчас, прошлое начинает отдаляться, и появляется тоска.

Но как утешает чтение Евангелия воскресения, потому что Иисус не пугается, не пугается немощи учеников (с одной стороны это нормально, не каждый день видишь живого мертвеца), и Иисус приближается к ним и должен дать им время и знамения, чтобы привлечь всю их любовь.

Впечатляет нежность Христа по отношению к каждому из них: «Приди, Фома, приди; вложи сюда перст твой, подай руку твою и вложи в ребра Мои».⁴⁸ И Марии, которая плачет: «Жена! Что ты плачешь? Кого ищешь? Она думая, что это садовник, говорит Ему: господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она обратившись, говорит Ему: «Раввун!».⁴⁹ В одно мгновение Мария становится всецело присутствующей сейчас, как никогда раньше. К Симону всецело охваченному своим предательством Он обращается с обезоруживающим вопросом: «Симон, любишь ли ты Меня?».⁵⁰ Мы все можем представить переворачивающее душу изумление Петра. Они не одни со своими страхами, плачем и ошибками. Благодаря терпеливому повторению явлений, Своего живого присутствия, Иисус позволяет апостолам прийти к признанию: «Это Господь»;⁵¹ говорят они, исполненные изумления, когда видят Его с лодки на берегу. И после того как они обедали с Ним, комментирует Евангелие от Иоанна: «Из учеников же

никто не смел спросить Его «кто ты?», зная, что это Господь». ⁵² Христос живой вновь захватывает нас, какой бы ни была наша ситуация, не пугаясь ничего. «Это Господь!». «Христос воскресший», – читали мы в статье отца Джуссани о воскресении, опубликованной в *Следе* – это суждение, [...] деяние разума, разбивающее обычный горизонт разумности и схватывающее и утверждающее то Присутствие, которое во всех отношениях превосходит горизонт человеческого действия, человеческого существования и истории. Это суждение выносится нашим бедным разумом, изначальным разумом, тем, который по своей природе является утверждением положительности возникающей пред ним, предлагаемой ему реальности; это исполненное любви утверждение реальности», ⁵³ предстоящей пред учениками.

«Воскрес» – это суждение, а не чувство, не состояние души, которое завтра исчезнет: воскрес, есть, навсегда! «Вера – это человеческий разум, превосходящий самого себя, и все это только благодать. Эта вера как утверждение разума, укрепляемого любовью [к реальности, [то есть Его присутствием], открытой привязанностью [...] к тому, что действительно существует, к тому, что «есть» действительно». ⁵⁴

А что действительно есть для учеников? Что было перед ними благодаря присутствию, превосходящему смерть? Что может быть «более» живого человека, которого они положили во гроб? «Поэтому невозможно, – говорит Катехизис Католической Церкви, – толковать воскресение Христа вне физического порядка вещей и не признавать его историческим фактом. Из фактов следует, что вера учеников была подвергнута радикальному испытанию страстями и смертью на кресте [...] их Учителя [...]. Потрясение, вызванное страстями, было так велико, что ученики [...] не сразу поверили вести о Воскресении. Евангелия показывают нам отнюдь не общину, охваченную мистическим восторгом, но подавленных [или грустных, или разочарованных] учеников. Даже оказавшись лицом к лицу с воскресшим Иисусом, ученики изумляются, или, – как Фома, – все еще сомневаются. [...] Вот почему, – заключает Катехизис, – гипотеза, согласно которой Воскресение было «продуктом» веры (или легковерия) апостолов, не имеет почвы. Как раз наоборот, их вера в Воскресение родилась – под действием Божественной благодати – из непосредственного опыта реальности воскресшего Христа». ⁵⁵

Для того чтобы вернуть их к жизни, недостаточно ни преданного воспоминания, ни учения, ни чудес, совершенных в прошлом, ни организации: ни одна из этих причин не может объяснить эту веру, возвращение апостолов к жизни. Это Он своей грандиозностью вызволил каждого из подобного положения, словно говоря каждому из нас: «Не

бойтесь, друзья, каково бы ни было ваше положение, Я могу вернуть вас к жизни, если вы вверите себя Моему присутствию, позволите Моему присутствию увлечь себя». Но мы немощны, и это исполненное любви утверждение реального, которым мы сотворены, утверждение, открытое к тому, что действительно значимо, к истинной реальности, как в ребенке, из-за нашей слабости разлагается, гниет, наполняется червями, размывается и исчезает.

Поэтому Церковь, которая несет нам весть о Христе воскресшем, благодаря которой воскресший Христос присутствует среди нас здесь и сейчас, молится так: «Боже, сохрани Твою семью верностью Твоей любви и укрепляй непрестанно немощ нашего существования»,⁵⁶ Нужно просить. Сердце – это потребность, то есть желание; истина желания заключается только в его становлении прошением, обращенным к Господу, дабы Он укрепил нашу немощ в признании того, что есть, в принятии Его подлинного присутствия, прошением о признании Христа, потому что нет ничего реального без Христа. Поэтому мы погружены в великую тайну воскресения Христа.

2. Крещение

«Как это событие достигает меня?», – снова спрашивает себя Папа во время Навечерия Пасхи. «Понятно, что это событие не является неким чудом прошлого [...] это качественный скачок в истории «эволюции» [...] в направлении нового мира, который, начиная со Христа непрестанно проникает в этот наш мир, преобразует его и привлекает его к себе. Но как это происходит? Как это событие может достичь в действительности меня, и привлечь мою жизнь к себе и ввысь? Ответ в первый момент может удивить, но он совершенно реален: это событие приходит ко мне посредством веры и Крещения. Крещение означает следующее: речь идет не о событии прошлого, а о качественном скачке всемирной истории, который приходит ко мне, захватывая меня, чтобы привлечь меня».⁵⁷ Посмотрите, какое выражение использует Папа: «Захватывая меня, чтобы привлечь меня». «Крещение – это нечто совершенно отличное от акта церковной социализации, от обряда несколько вышедшего из моды и сложного для принятия людей в Церковь. Оно больше простого омовения, своего рода очищения или украшения души. Это [...] возрождение и преображение в новую жизнь. Как мы можем понять это?» – продолжает Папа вводить нас в эту тайну.

«Уже не я живу, но живет во мне Христос».⁵⁸ Это объяснение того, что происходит во время Крещения: «Я живу, но это уже не я». «Я»,

существенная идентичность человека [...] была изменена». «Я» святого Павла все еще существует, и уже не существует, «оно прошло через «не» и непрестанно пребывает в этом «не»: я, но уже «не» я. [...] Это [...] выражение того, что произошло при Крещении. Мое собственное «я» забирается у меня и включается в новый субъект, в больший. Таким образом мое «я» снова существует, но оно преобразуется, распаивается, открывается посредством включения в другое, в котором оно обретает свое новое жизненное пространство».⁵⁹

Как вы видите, то, что говорит Папа – это то, что напоминал нам отец Джуссани: «Тот, кто произошел с нами»,⁶⁰ был нам дан, дан настолько, что вошел в плоть, в кровь, в душу. «Живу, не я, а тот, кто живет во мне». Тот, кто обосновался во мне. Ты, ты, Христе, пребывающий во мне. Это то преобразование, о котором мы читали на Школе общины: «я», но больше чем «я», онтологическое превознесение «я». Отец Джуссани использует то же выражение, что и Папа: «качественный скачок в приобщении к Бытию».⁶¹ Это истинное изменение, произошедшее при Крещении, которое превращает «я» в новую тварь. Кто во Христе, тот новая тварь. Поэтому важно не обрезание или необрезание, а быть новой тварью, жить каждое мгновение с сознанием этого Ты, которое обосновалось во мне.

3. Церковь

Таким образом, те, кого Христос захватил в Крещении, составляют одно тело. Папа продолжает: «Но что тогда происходит с нами? Вы стали одно во Христе, отвечает Павел (Гал 3,28). Не одно, а едино, единым, единым новым субъектом. [Мы не одни, нет изолированного субъекта, христианин – это не изолированный субъект, такого не существует!]. Это освобождение нашего «я» от его изоляции, это нахождение в новом субъекте – это нахождение в необъятности Бога, это увлечение в [новую] жизнь. Мощная вспышка воскресения захватила нас в крещении, чтобы привлечь нас. Таким образом мы вошли в новое измерение жизни, в которое [...] мы уже некоторым образом вводимся. Проживать собственную жизнь как непрестанное вхождение в это открытое пространство: таков смысл крещения, христианского существа. [...] Воскресение достигло нас и захватило»,⁶² чтобы ныне мы пребывали в Нем.

Это ничто иное как предание Церкви. Как говорил святой Киприан: «Поскольку Тот, кто живет в нас, един для всех, Он везде соединяет и связывает Своих узами единства».⁶³ Мы не одни! Мы захвачены и включены в Его тело. Церковь является тем орудием, тем способом, которым Бог становится для нас другом, и «Христос остается непрестанно,

– сказал Папа в Страстной Четверг, – нашим современником в теле Своей Церкви». ⁶⁴

Для того чтобы вернуть себя, недостаточно воспоминания, как говорит Льюис, вспоминая о своей покойной жене в *Боли утраты*: воспоминания недостаточно, я должен думать больше о моей жене и меньше о себе. «Я думаю о ней постоянно. Я вспоминаю, как она выглядела, как она разговаривала, как она двигалась. Но все эти факты и детали отбирает и сортирует мой разум. Меньше месяца прошло после ее смерти, и я уже чувствую, что начался медленный процесс превращения живой Х. в придуманную мною женщину. И это несомненный факт. Я больше не буду ничего выдумывать (по крайней мере, надеюсь). Но что, если мои записи все равно будут все больше и больше сосредоточиваться на моей персоне? Нет больше самой реальности, которая меня могла вовремя одернуть, как это делала, всегда неожиданно, живая Х, будучи самой собой, а не мной. Самый ценный дар, который мне дала женитьба, это то, что рядом со мной всегда было существо, очень близкое, тесно связанное со мной и в то же время отличное от меня и даже сопротивляющееся, одним словом — сама реальность». ⁶⁵

Если это не так, если Христос не реален через тело Своей Церкви, то Он все больше становится нашей выдумкой.

Не достаточно воспоминания, необходимо плотское, историческое, непоколебимое присутствие, которое, как говорит Папа, непрестанно захватывает меня и увлекает. Поэтому Церковь, говорил Святой Григорий Нисский, «есть тело Христа, а Христос – глава тела, определяющая облик Церкви своим характером. Друзья жениха, обращая свой взор на эту реальность [Церкви], обретают большую способность понимать: действительно, посредством Церкви они могут видеть с большей ясностью самого Жениха, который по своей природе невидим для их взора». ⁶⁶

Церковь есть тот лик, в котором усматривается сам Жених. Как говорил Папа в энциклике: «Господь не отсутствовал в последующей истории церкви; Он непрестанно идет нам навстречу через людей, в которых Он проявляется. Через Его слово, в таинствах и особенно в Евхаристии». ⁶⁷

Это телесное, историческое место, которое есть Церковь, достигает нас через Движение, через наше Братство, целью которого является свидетельство о присутствии Христа, достижение каждого из нас, с его особенностями, чтобы непрестанно пробуждать сердце, сделать Христа присутствующим, побуждать к памяти о Нем.

4. Память

Новый субъект, новая тварь – это тот, кто живет памятью о Христе, о Том, кто обосновался в нас, кто каждый раз все больше определяет собственное «я», кто становится самосознанием «я», как «ты» любимого человека становится содержанием самосознания «я». Ты, которое обосновалось во мне. Это новизна, привносимая Крещением, снова говорит нам отец Джуссани: «Наше я постепенно все больше смешивается со Христом. Говорить «я» все больше означает «Ты», «Ты, или Христос» [...]. Тождественность между нашим «я» и Христом, то есть, жизнь как память». ⁶⁸ Жить памятью означает жить присутствием Того, кто захватил меня в Крещении, кто обосновался во мне, кто становится все больше жизненно присутствующим благодаря посещению общины, которая делает его для меня близким, поскольку эта община, община Церкви, не поддающаяся никакому умалению. Поэтому мы можем сказать сейчас совершенно сознательно: «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас», из любви Того, кто совершается сейчас. Только Тот, кто совершается сейчас, может привлечь всю мою жизнь, все мое сердце, всю мою любовь к Себе. Это наполняет жизнь молчанием.

5. Нравственность

Нравственность не означает добавить что-то к этому, это признание Ты, это значит уступать побеждающей привлекательности этого Ты, присутствующего здесь и сейчас, утверждению Его присутствия. И как говорит святой Григорий Нисский, человек, глядя на это «уподобляется тому, на что устремлен его взгляд». ⁶⁹

Устремляя взгляд на Него, мы становимся как Он.

Это гениально выразил Марио Луци: «Это христианская полнота судьбы: быть готовым к событию, позволить его силе пройти сквозь нас, дабы оно могло заново вылепить и выплавить нас». ⁷⁰

Настоящая безнравственность – это не противоречие, а непроницаемость. Как описывает Верфель: «В тот момент я так ясно осознавал непроницаемость людей, как никогда в своей жизни, но я не воспринимал ее как данность жизни, к которой нужно приспособливаться, скорее как нечто плохое, противное Богу, как препятствие всякой любви, как демонический источник всякого отчаяния». ⁷¹ Непроницаемость, демоническое начало всякого отчаяния, потому что даже грех не может быть своего рода алиби перед Тем, кто подходит к нашему «я», что бы оно ни натворило, и спрашивает его: «Любишь ли ты Меня?». Тот, кто

позволяет себя захватить, может лишь сказать как Петр: «Ты знаешь, Ты знаешь все, Христе, Ты знаешь, что я люблю Тебя, вся моя человеческая симпатия для Тебя, Христе». ⁷² Тогда все опирается на Иного: «Ты все знаешь», у меня нет ничего, на что я мог бы опереться, все мое «я» опирается на Христа.

6. Глубоко переживать реальность

Эта привязанность ко Христу, увлекающая все «я» целиком, позволяет нам глубоко переживать реальность, быть целиком, всем своим существом, сейчас. Присутствие Иисуса, ставшее доминирующим, ставшее моим самосознанием, позволяет нам пребывать всем нашим «я» в реальности. Нам не нужно бежать, у нас все есть. И действительно, самое очаровательное то, что это не устраняет наше «я», не устраняет религиозное чувство, превозносит наш разум, нашу свободу и нашу привязанность, поскольку позволяет нашему разуму не замкнуться на собственной мере, а смотреть на реальность не отводя взгляда от Его присутствия.

Впечатляет то, что говорит отец Джуссани, и то что мы порой не замечаем: «Разум и привязанность, – это сердце человека [...]. Сердце, – как разум и привязанность, – условие здоровой реализации разума. Чтобы разум был разумом, [то есть открытостью к реальности согласно всем ее факторам], привязанность должна наполнить его и таким образом привести в движение всего человека», ⁷³ таким образом, она не позволяет разуму становиться мерой.

Когда разум не используется согласно его природе, человек не в состоянии признать Присутствие в реальном, и тогда, как описывает Жюльен Грин, он начинает скучать: «Глубокая скука возникает из-за отсутствия Бога [и затем как бы поправляясь] или скорее из-за нашего отсутствия, когда Бог присутствует: Он присутствует всегда, но мы предпочитаем наши жалкие «другие места» и там умираем от скуки». ⁷⁴

Разум же охваченный, распахнутый любовью ко Христу, делает нас настолько присутствующими, что мы признаем в реальности Его присутствие, потому что Он всегда присутствует, но разум не должен терять своей способности быть истинным разумом. Если Бог всегда в реальности, каждое обстоятельство – это вызов, это подсказка, знамение, которое побуждает нас заглянуть в себя, признать ту точку прорыва в реальности, которой является Христос. Именно это позволяет дышать в противном случае удушающих обстоятельствах, именно это позволяет жить всегда с самими собой, присутствующими сейчас, как говорит одна из

вас: «Благодать, которую Он дарует нам, захватывая нас – это невообразимая плодовитость. Даже я при всей своей убогости замечаю, что если бы не та благодать, которую Иисус дарует мне, я была бы не способна любить того, кто мне дан, меня не трогали бы люди, становящиеся жертвами постоянных преступлений, я не была бы способна молиться за новых правителей. Христос [и это самое прекрасное] делая нас одно с Собой, распахивает взор на всю реальность и нет ничего больше, что может быть нам чуждым».

Лучшее наступает! Это обетование для всех, и это зависит от того, победит ли любовь ко Христу настолько, что никакое обстоятельство не сможет отвлечь нас от Христа. Все действует в пространстве моей свободы, которая говорит Тайне «Ты». Говорить «Ты» Иисусу – это значит замечать Его непрестанную нежность, которая изумляет меня каждое утро светом нового дня.

«Характеристикой нового «я» является истинность вещей, [этот полностью распахнутый взгляд], это истина реальности, [...] это погружение в реальность как в истину».⁷⁵ И какова же истина реальности? Реальность – это Христос. Но для нас это абстрактное утверждение.

Только если Христос становится центром привязанности, как становится им муж или любимый, человек понимает, что значит, что реальность есть Христос, что значит, что смысл всего сущего – Христос. «Любовь, любовь, все возглашает»,⁷⁶ «Все Им стоит».⁷⁷ Весь мир, вся наша история стоят этим Человеком, живым и воскресшим, пребывающим среди нас.

Кто ты, Христе? Кто Ты, способный увлечь все наше я так, что все становится местом жизни, пространством, где человек живет свободно при любых обстоятельствах? Кто Ты? Я доволен, потому что Ты есть. Я емь, потому что есть Ты, Христе. И поэтому непрестанно возникает вопрос: Кто Ты, Христе? Именно это делает веру разумной, делает разумным христианство, именно это все сильнее привязывает человека ко Христу. Миссия означает ввести в мир такой субъект, а не что-то другое.

Гениальная фраза Ады Негри выражает все то, что я хотел сказать в эти дни: «Ты был и остаешься для меня всем». Из множества людей, возможно, кто-то может сказать «Ты был для меня всем»,⁷⁸ но говорить не только «был» в прошлом, во встрече, но и «остаешься сейчас», в настоящем, это совершенно другое дело. «Ты был и остаешься для меня всем».

Воскресенье, 30 апреля утро

На вход и выход:

Вольфганг Амадей Моцарт, Большая Месса до минор К 427

H. von Karajan – Berliner Philharmoniker

“Spirto Gentil”, Deutsche Grammophon (Universal)

Отец Пино. Ангел возвещает сейчас. Вся наша жизнь в этот миг достигается ликованием уверенности, вызовом, брошенным нашей свободе. Таким образом во все дни мы не одиноки в пути к нашей судьбе. Содержанием всего, лиц, вещей является дружеское Присутствие, любящее нашу судьбу счастья в нашей жизни.

Ангел Господень
Утренняя молитва

■ СОБРАНИЕ

Джанкарло Чезана: Первый вопрос по двум прослушанным нами лекциям представляет подавляющее большинство вопросов. Он касается того объяснения, которое уже было дано, но я полагаю, что будет уместно повторить его: «Если сердце безошибочно, то почему в действительности оно так часто ошибается?». К которому я добавлю еще один, непосредственно для Каррона: почему с тех пор как на него была возложена, и он принял ее, ответственность за нас, он продолжает так решительно настаивать, с таким упорством, на вопросе о сердце, на этом слове, «сердце»?

Хулиан Каррон: Потому что это меня больше всего восхищает с тех пор как я встретил движение, потому что это вложило мне в руки критерий для того, чтобы идти вперед.

Я много раз повторял отцу Джуссани: «Я всегда буду благодарен тебе, потому что ты позволил мне проделать человеческий путь». Не то чтобы у меня не было веры: я уже десять лет был священником, когда встретился с движением, никто не мог сказать, что я несерьезно отнесся к предложению, которое мне было сделано, но я видел, что в моем опыте было что-то не так, что где-то в глубине оставался некий дуализм, который не позволял мне пребывать всем своим существом в реальности. Поэтому меня вдохновило то, что с первой страницы

Религиозного чувства, он, объясняя проблему опыта, настаивал на этом критерии, позволяющем выносить суждение обо всем, на том, что он называет «исходным опытом», то есть сердцем, с которым каждый из нас может сопоставлять все происходящее. И для меня с тех пор это стало чарующим приключением, и я хотел бы, чтобы никто не упустил такой возможности.

С каждым разом я воодушевлялся все больше, поскольку все происходящее становилось полезным для моей жизни, потому что я учился всегда, даже тогда, когда ошибался, потому что, если что-то мне не соответствовало, я кое-чему научился: это было не то, но было что-то, что соответствовало, и у меня был критерий для того, чтобы выносить суждение об этом. То есть, благодаря сердцу я всегда мог выносить суждение, что соответствовало, а что не соответствовало потребностям сердца, и это еще больше превозносило Христа. Сердце интересует меня не ради сердца: оно интересует меня из-за Христа, потому что Он единственный в состоянии совершить сердце, и человек все больше восхищается Христом, когда он в состоянии уловить отличие Христа от всего другого. Поэтому я призываю всех вас и весь мир все сопоставлять с сердцем, потому что пока вы не найдете Христа, вы не найдете Того единственного, в котором сердце может упокоиться. Реальность проясняется на опыте. Я слышал о Христе, но реальность Христа проясняется на опыте, то есть при сопоставлении с моим сердцем. Поэтому я не могу оставлять сердце позади, говоря о Христе: я непрерывно обнаруживаю, Кто такой Христос благодаря этому сопоставлению с сердцем, иначе Христос, – как говорит отец Джуссани, – это всего лишь имя. Благодаря вашей жене или вашему мужу стало очевидным для вас значение в этом соответствии сердцу: сначала вы познакомились, но когда вы встретились, раскрылось для вас значение, во встрече произошло это суждение. Но это случается не только в момент встречи, в пути это становится все больше, потому что когда человек отправляется в путь, он не перестает из-за этого ошибаться, он продолжает ошибаться, мы все продолжаем ошибаться, но каждый раз мы видим то, что не соответствует. Я знаю, что соответствует; словно из глубины опыта Христос мне говорит: «Меня не достает тебе во всем том, чем ты наслаждаешься, именно меня».

Я возвращаюсь к вопросу: «Если сердце безошибочно, почему в действительности оно так часто ошибается?» Сердце безошибочно как критерий, но не как суждение. Ты ошибаешься, потому что плохо применяешь безошибочный критерий сердца.

Это все равно что человек спрашивает: почему, если математическая формула безошибочна для определенных задач, почему так часто

бывают ошибки? Потому что ты не проявил достаточного прилежания: ты должен научиться, должен упражняться. Но ты же неставишь из-за этого под сомнение действительность формулы: она остается действительной, безошибочной, но ты можешь неправильно ее применять.

Меня волнует не то, что мы плохо ее применяем, а то, чтобы у нас была эта уверенность в безошибочности, потому что даже когда я плохо применяю ее, в опыте обнаруживается суждение, потому что если я ошибаюсь, я отдаю себе отчет в этом. Поэтому так знаменит легендарный пример ботинок: безошибочный, потому что ты даже размер своей обуви не выбираешь. Почему? Потому что критерий для покупки твоей обуви – это данность, как сердце, тебе была дана нога, иначе мы можем купить ту пару на распродаже. Посмотрите, объективен ли критерий или субъективен, попробуйте купить пару ботинок, потому что они выставлены на распродажу, потому что они вам нравятся больше или потому что вы так что-нибудь сэкономите... Вы не решаете, так же как и я не решаю: критерий мне был дан.

Когда я болею, критерий безошибочен: я болен, и этот критерий безошибочен для всех попыток, которые делает врач, чтобы вылечить меня. Если врач, очень хороший, говорит мне, что делая так, я вылечусь, я могу сказать ему: «Посмотрим. Я начну делать то, что вы мне говорите, но соответствует ли мне это, не вы решаете, доктор; решает реальность, этот ли путь, эти ли лекарства, которые вы мне даете, исцелят меня». Критерий внутри меня, он безошибочен. Если врач не дает мне то, что соответствует этой болезни, он не вылечит меня. И когда я иду к врачу, я не оставляю болезнь дома, она всегда со мной, и это всегда критерий, согласно которому я сужу о том, все ли, что он говорит мне, может меня исцелить, то есть мне соответствует, что лечение, которое он мне назначает – это то, что соответствует моей болезни.

Мы обнаруживаем, что созданы определенным образом, это нам было дано, с желанием бесконечного, и хотим мы этого или не хотим, как говорил отец Джуссани, через это мы выносим суждение обо всем, обо всем настолько, что то, что не соответствует этому желанию рано или поздно перестает меня интересовать. Посмотрите сколько вещей у каждого из вас в комнате, они какое-то время вас интересовали, а сейчас вы давно о них забыли: они недостаточно значимы для того, чтобы оставаться интересными, и поэтому приходят в упадок.

Поэтому скажу коротко, в жизни существует только один вопрос: есть ли что-то такое, что остается интересным на долгое время, навечно,

сердцу, этому желанию бесконечного, есть ли что-то такое, что остается интересным, иначе мы можем говорить все что угодно, но если это не так, нигилизм рано или поздно победит, потому что нет ничего такого, что могло бы заинтересовать меня навсегда.

Я бросаю вам вызов, я не хочу решать проблему, как я не раз говорил. Действуйте сами, у вас есть сердце, вы встретили Христа: постоянно проводите эту проверку, и скажите мне, если найдете то, что соответствует вам больше. Я пришел сюда не затем, чтобы избавить кого-то от драмы жизни, напротив, затем, чтобы пробудить драму во всех нас. И не потому, что меня это не заботит, а потому, что есть нечто такое, что мы должны пережить на опыте, иначе рано или поздно вера перестанет нас интересовать.

Это ты нуждаешься в этой уверенности во Христе, чтобы жить, чтобы проснуться завтра утром, и этого ты достигнешь только если переживешь этот опыт. Меня интересует это: потому что на кону стоит жизнь. Проблема не в морализме, в котором все застревают: это ничто по сравнению с истинной проблемой. Знаете, какова истинная проблема? Нигилизм: вот истинная проблема. Либо у нас есть ответ на это, либо мы можем отправляться домой побежденными, потерпевшими поражение.

У нас есть ответ на нигилизм. Но это должен обнаружить каждый в едином, личном отношении со Христом, присутствующим здесь и сейчас среди нас.

Чезана: Нельзя спрятаться за Бога или за движение, или за свое священническое облачение или за свое призвание. И это подводит нас ко второму вопросу: «Почему свобода боится безошибочного сердца?». Я сформулировал бы его так: проблема в том, что закон, написанный в сердце – это то, что допускает свободу: на самом деле мы боимся свободы, потому что нам нужна инструкция по использованию, то есть нужны рецепты.

Каррон: Свобода не боится безошибочного сердца, потому что свобода – это опыт удовлетворения сердца.

Я, как мы всегда учили, переживаю опыт свободы, когда мне удастся удовлетворить некое желание. Я переживаю опыт свободы, когда я переживаю опыт удовлетворения своего человеческого желания, желания бесконечного. Сердце не боится этого, свобода не боится сердца, которое признает то, что соответствует и приносит удовлетворение. Оно боится того образа свободы, который создаем мы: что делая то, что мы хотим, мы становимся все больше самими собой, все более свободными. Проверьте это. Проверьте, когда вы более

свободны, и вы поймете, что мы более свободны, когда обнаруживаем это соответствие сердцу, и в этом сердце безошибочно. Поэтому свобода поддерживает сердце.

Чезана: «Что значит, что привязанность не дает разуму стать мерой?».

Каррон: Прекрасный вопрос. Приведу два примера.

Однажды в Испании один молодой человек из Движения, когда я преподавал в школе, попал в аварию, и все члены Движения пришли несколько обеспокоенные: «Как Бог может допускать такое?». Я сказал им: «Все зависит от того, как мы подходим к тому, что с нами случается», и привел им следующий пример, который потом я рассказывал много раз. Если ты возвращаясь домой, встречаешься с незнакомым человеком, который дает тебе пощечину, что ты делаешь? Один, такой энергичный, говорит: «Я ответил бы ему двумя пощечинами». Я говорю: «А если, когда ты придешь домой, твоя мама тебе ее даст?» Он растерялся и говорит: «Я спросил бы: за что?». Что породило такую открытость у этого молодого человека? Любовь к маме. Любовь к маме не позволила ему замкнуться в своей мере.

Второй пример: ученики. Не то чтобы ученики поняли намного больше, чем те, кто отошел после того как Иисус говорил о хлебе жизни. Почему же они остались? Из-за опыта любви ко Христу: «Если мы уйдем от Тебя, куда нам идти?». Эта привязанность не позволяет разуму становиться мерой: «Поскольку я не понимаю, я ухожу». Любовь препятствует мере.

Чем больше человек любит Христа, чем больше привязывается ко Христу, тем невозможнее устранить из виду и из сердца Христа, когда человек вступает в отношение с реальностью, как молодой человек с мамой, как ученики со Христом, так, что разум не может стать мерой. Почему? Потому что эта привязанность к маме или к Иисусу, или ко Христу сейчас, не позволяет разуму стать мерой и заставляет его оставаться распахнутым по отношению к реальности.

Именно это позволяет нам переживать обстоятельства истинно, потому что, когда человек сталкивается с трудностями, или оказывается в такой ситуации, когда кажется, что обстоятельства душат, (представьте себя с вашими детьми, вашим мужем), когда у него возникает вопрос «А зачем жить?», о чем он думает? Что не дает ему уступить его мере? Любовь к сыну или к мужу.

Вопрос в том, связывает ли нас при любых обстоятельствах что-то истинное, к чему мы привязаны настолько сильно, что можем избежать

того, чтобы разум стал мерой. И поэтому только близость со Христом, которая становится все больше, не позволяет нам сводить всю реальность к нашей мере, потому что все, – как всегда учил нас отец Джуссани, – говорит нам о Нем, даже в самые тяжелые моменты жизни. Словно трудностям, болезням, скорбям не под силу замкнуть нас, потому что привязанность ко Христу настолько сильна, что даже наша самая большая скорбь не в состоянии оторвать нас от Него, как это случилось со Христом во время страстей: даже страсти и смерть не смогли отделить Его от любви Отца. И если мы оставляем эту возможность Тайне, Тайна действует.

Все заключается в привязанности. Не потому что привязанность – это все, а потому что привязанность, – как говорит отец Джуссани, – позволяет разуму сохранять свою природу разума: открытость к реальности согласно всем ее факторам. Без этого разум неотвратимо, когда он не понимает, или когда скорбь слишком велика, становится мерой: поскольку я не понимаю, это не имеет смысла. Он становится мерой: поскольку я не могу это понять, это лишено смысла. Нет! Человек, который встретил Христа, который полностью привязан не по наивности, а в силу проверки веры, потому что он должен вырвать из глаз, из жизни, из сердца все то, что он видел, он не может замкнуться в реальности как мере.

Поэтому истинный вопрос заключается в том, проходим ли мы в жизни тот путь, который позволяет нам все сильнее привязываться ко Христу, чтобы никакая действительность, никакая скорбь, никакое обстоятельство не могли замкнуть нас, разорвать связь, которая сохраняет наш разум всецело открытым и распахнутым к Тайне. Это говорит нам отец Джуссани, когда утверждает, что Церковь воспитывает в нас религиозное чувство, открытость разума, который не замыкается. Без этой привязанности ко Христу, любви ко Христу мы несчастны, и когда мы что-то не понимаем, говорим «это не имеет смысла»; разум становится мерой. Именно эта привязанность сохраняет нас открытыми, распахнутыми ко Христу, и так мы можем смотреть на реальность как на знак, всегда имеющий точку прорыва.

«Любовь, любовь, все возглашает»: все говорит нам о Нем, потому что реальность – это Христос, а не потому что мы фантазеры, и это позволяет нам переживать реальность, как она есть, именно так, как она есть согласно ее природе реальности, то есть знака Тайны. Но условием того, что мы живем ей именно так, является привязанность ко Христу. Поэтому нужно было воплощение, чтобы «я» могло привязаться к плоти Христа, к любви ко Христу настолько, чтобы могло понять, что значит,

что реальность – это Христос. Этого достигли ученики: не то чтобы Иисус прочитал им лекцию по философии, чтобы они в конечном итоге сказали, что реальность – это Христос; живя с Ним, признавая, что Он есть смысл всего, что Он все делал интересным, они поняли: «Реальность – это Христос. Все было сотворено через Него и все Им стоит».

Чезана: С другой стороны, слово привязанность, *affectus*, на латинском означает «пораженный». Следовательно, привязанность означает дать себя поразить, то есть согласиться, что не мы являемся мерой реальности, но что мера реальности – это Иной. Проблема всецело заключается в том, чтобы принять удар, не смягчить удар, а принять его.

Так: «Для меня настоящее никогда не бывает сейчас», пишет Грин. В Введении Каррон сказал: «Это легко: достаточно того, чтобы Его присутствие среди нас увлекло нас». Но если это так легко, то почему для меня настоящее никогда не бывает сейчас?».

Мне приходит на ум другое слово, которое используется как синоним «легко», то есть слово «просто», и я всегда вспоминаю, как однажды я спросил отца Джуссани: «Как стать простым?», и он сказал мне: «Чтобы быть простым, нужно быть решительным». Следовательно, мы никогда не живем настоящим, если мы не полны решимости жить им.

Каррон: Человек не дает себя увлечь.

Чезана: Не дает себя поразить. Это недуг нашего времени! – мне приходит в голову тот прекрасный пример отца Джуссани о Чернобыле, который он привел студентам в 1987, чтобы описать молодых людей, лишенных любви, то есть способности привязываться, способности поражаться: это тупость. «Я хотел бы понять лучше вопрос о непроницаемости. Воспитательная работа приводит к простоте нашего сердца?». Для меня встреча с движением и жизнь в нем стали прорывом тупости, которая не является непроницаемостью: тупость означает, что мы не понимаем; непроницаемость означает сопротивление пониманию. Это другой вопрос. И я должен поблагодарить всех тех, кто мне помог победить эту тупость, потому что воспитание – это развитие исходного ядра личности, то есть призыв должен ждать, когда свобода прорубит брешь, призыв должен ждать, когда человек откроется. Я должен поблагодарить всех тех, кто был рядом со мной, потому что я понял, прежде всего, когда я думаю о моих отношениях с отцом Джуссани, что он меня ждал, ждал так, чтобы в конечном итоге получился я, а не для

того, чтобы навязывать мне то, что думал он. Непроницаемость же, это сопротивление предложению.

Каррон: Непроницаемость, – если сказать теми же словами, которые использовал раньше Джанкарло, – означает не дать себя поразить; реальность пусть говорит то, что говорит, даже если я оказываюсь перед чем-то прекрасным, я не принимаю это. Поэтому мне безумно нравится пример о тех детях на улице, который я всегда вам повторяю, когда мы встречаемся. Иисус упрекает их, потому что это непроницаемость, это замкнутость «я», которое не позволяет прикоснуться к себе, не позволяет себя спасти.

Чезана: У взрослых людей это ужасно.

Каррон: Точно. Иисус, среди прочего, настаивает на том, что в этом смысле нужно быть как дети, на этой открытости: «С кем сравню людей рода сего?» Кто они? Те, кто не видел: они видели все те чудеса, которые Он сотворил, но не позволили себя поразить. Вот в чем дело: а не то, что я слабый. Мы думаем, что непроницаемость – это слабость. Он не пугается нашей слабости...

Чезана: или как тупость...

Каррон: Апостолы были очень слабыми, они много чего натворили: то они раздражались на кого-то, то спорили между собой, кто из них первый, или хотели огнем истребить самарян, чего они только не творили, но не в этом проблема.

Мы всегда беспокоимся об этике. А проблема не в этике, проблема в онтологии, в отношении с реальным. Потому что если у меня есть сердце с желанием бесконечного, я не могу сам ответить на него: я должен принять, впустить Иного. А если я непроницаем, я не могу впустить Иного, и это моя кара. Вот что такое ад, это высшая степень непроницаемости.

Чезана: Это одиночество.

Каррон: Это одиночество, отсутствие связи. Поэтому Иисус говорит: «С кем сравню людей рода сего? они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: Мы играли вам на свирели, и вы [как ни в чем не бывало] не плясали, мы пели вам плачевные песни, и вы [как

ни в чем не бывало] не плакали», то есть вы не даете себя поразить. И затем Он говорит: «Ибо пришел Иоанн Креститель (аскет) и говорите: «в нем бес» (странный, редкий тип); Пришел Сын Человеческий (как все остальные, не аскет, идет на обед, когда его приглашают), который ест и пьет, и говорит: «вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (то есть, общается со всеми)» (Лк 7,31-34). Ничего не поделаешь: пусть делает то, что делает, я не проницаем.

Вопрос в отношении с реальным. Иисус упрекает фарисеев за их непроницаемость, за то, что они не позволяют затронуть себя, поразить тому, что происходит на их глазах. Вот в чем вопрос, об этом мы должны просить, потому что мы все были созданы, сотворены распахнутыми, с любопытством ребенка. Почему мы потом замыкаемся? Это решение свободы. Человек может воспитать это, если другой к этому готов. Отец Джуссани говорил, что свобода может быть воспитана в этой готовности позволить себя поразить, и к этому принятию реальности в том виде, в каком она нам дается, не выставляя вперед локоть в отношении с реальностью. Человек может воспитать это, если проблема в слабости, а не в непроницаемости, то есть, если я решил, что, – что бы ни случилось, – меня никто не сдвинет. Это ад. Мы должны молить Богородицу о том, чтобы мы не замыкались, не о том, чтобы нам не быть слабыми, а о том, чтобы не стать непроницаемыми для Его присутствия, красоты Его привлекательности, потому что последнее слово о нашей слабости всегда за милосердием; проблема в том, не являемся ли мы непроницаемыми даже для Его милосердия.

Чезана: «Если на опыте мы постигаем, что сердце безошибочно, что тогда означает переживать опыт?»

Каррон: Вы должны прочитать первую главу *Религиозного чувства*. Пережить опыт – значит испытать что-то, но не только испытать, а вынести суждение о том, что мы испытываем, потому что иначе это не нужно.

Столько раз я читал лекции школьникам по утрам; ребята задавали мне множество вопросов. А затем вечером я встречался со взрослыми, я до сих пор помню одного «опытного» человека, объехавшего весь мир, но он задавал мне те же самые вопросы, которые мне задавали ребята утром: он изведal многое, но ничему не научился.

Мы можем жить так. Почему? Потому что недостаточно испытывать что-то. Поэтому подчас жизнь взрослого человека, который не выносит суждение, становится все более запутанной, он больше не знает, что делать и даже оправдывает это: «Я сейчас в большей мере осознаю

сложность жизни». Нет, мы не обречены на это: это всего лишь лень. Мы должны называть вещи своими именами. Если человек не встретил никого, кто предложил бы ему метод, я понял бы, но мы не можем говорить так: у нас есть метод, чтобы жить. Нет ничего более умного в харизме, чем это.

Харизма отца Джуссани, – как он всегда нам говорил, – это педагогика, педагогический метод, не для того, чтобы заменить нас, а чтобы помочь нам жить, чтобы все стало нашим, стало нашим с каждым разом все больше, и это может стать нашим, только если мы используем метод. Для того чтобы что-то испытать и вынести суждение, нужен критерий суждения: сердце, исходный опыт, то, что внутри нас, этот критерий внутри нас, но мы не можем манипулировать им: это исходный опыт.

Если вы хоть сколько-нибудь уважаете самих себя, пусть вам хорошо объяснят, что такое опыт, иначе мы вернемся к этому, потому что это является определяющим инструментом для жизни, потому что все то, что происходит в жизни, образует жизнь, если заставляет переживать опыт, то есть, если человек способен выносить суждение о том, что с ним происходит.

Чезана: «Если крещение – это тот фактор, который онтологически вводит нас в жизнь Христа воскресшего, какое значение имеет наша личная встреча с движением *Comunione e Liberazione*, и что сегодня помогает говорить: «Ты был и остаешься для меня всем» тому, кто, как мы, идет по этому пути уже многие годы?»

Я позволил бы себе ответить на основе опыта.

Я помню одно давнее утверждение отца Джуссани, когда он говорит что харизма экзистенциально важнее догмы. Что это значит? Для меня, в 17 лет, христианство было мертвым, именно отец Джуссани вновь вдохнул в него жизнь. Поэтому мы говорим, я говорю, что отец Джуссани – это харизма: он вдохнул жизнь в то, чего иначе больше не было бы. Деяние Святого Духа воскрешает то, чего не было бы. Это воскрешение происходит раньше чем определение; экзистенциально я должен начать жить, чтобы понять, что определяет мою жизнь. Встретив движение, я понял свою жизнь, то есть я осознал, что означает моя жизнь, и, следовательно, Крещение, которое мне было дано как призыв быть и быть всегда. Крещение – это самая потрясающая мутация, потому что это то, что вводит нас в вечную жизнь, то, что вводит нас в реализацию нашего желания. Я позволю себе привести один эпизод. После смерти моей жены в автокатастрофе, я пришел к отцу

Джуссани, и я был в кресле-каталке, и он появился в комнате тоже в кресле-каталке. В какой-то момент мы заговорили об Аврааме. Там был еще Виттадини, были и другие, и я спросил у него: «Посмотри до чего мы дошли, и посмотри на Авраама, какую драматическую, мучительную историю он пережил. Но тогда вера, Крещение, какая разница, если потом мы живем вот так?» Он на секунду задумался и затем сказал: «Но есть «я»», Авраам – это начало «я», то есть начало человека, который признал то, что Бог захотел его. С нами случается все то, что случается с другими, мы такие же как и другие, но мы желанны, мы призваны, папа и мама нас ввели в эту жизнь навсегда. Поэтому вся жизнь проживается как замысел о нас, как нечто такое, что свершается, что бы ни случилось. Есть один Псалом, который говорит: «Сделаю тебя медною стеною: они будут ратовать против тебя, но не одолеют», благодаря этому самосознанию, что меня пожелал Некто, превосходящий меня.

Встреча с *Comunione e Liberazione* является решающей, потому что без встречи, без пробуждения «я», без сознания жизни нет ничего.

Каррон: Встреча заставляет нас признать, позволяет нам осознать, что на самом деле произошло при Крещении. Крещение – это мощнейшее деяние Христа, благодаря которому Он говорит мне: «Ты Мой». И с этого момента, – как говорил отец Джуссани несколько лет назад – Христос начинает борьбу за завоевание «я», в которой вся история нашей жизни является попыткой пробудить привязанность ко Христу настолько, чтобы стало жизненным то, что произошло при Крещении.

Это решающий момент. То, что произошло при Крещении, что подчас мы сводим только к чувству (поскольку мы не чувствуем это, то словно этого и нет); когда в жизни мы оказываемся в тяжелом положении, когда я не чувствую или когда я совершаю страшные ошибки, шокирующие даже меня самого, что определяет меня в тот момент? То объятие Христа при Крещении, которое даже моя ошибка, – что бы я ни натворил, – не может нарушить. Нет ничего такого, что бы я мог сделать, что могло бы изменить отношение Христа ко мне.

Поэтому Крещение, даже если я говорю ересь, не повторяется. Когда первые христиане подвергались гонениям и их заставляли публично отрекаться от веры перед императором, многие не устояли, но Крещение больше не повторялось. Я могу быть слабым сколько хочу, вплоть до возмущения самим собой, но сила Христа в Крещении больше, и даже мое зло не одолевает ее. Мама прекрасно это понимают: что такого мог бы сделать ребенок, что могло бы испортить, изменить отношение к

вашим детям? Мы не говорим о вещах, не имеющих к нам отношения, мы говорим о той столь сильной любви Христа, которая захватывает меня в Крещении, и это побеждает все. Когда я в таком небьтии, что даже не могу смотреть на себя, потому что мне стыдно за себя, в этот момент я могу сказать: «Что меня определяет? Объятие Христа, то, что Он захватил меня так, что даже после моей ошибки, той глупости, которую я совершил, Он остается», и мы начинаем все заново.

Проблема не в том, чтобы не делать все те глупости, которые делают другие, а в том, что когда мы натворили все, что только можно, мы можем начать заново с нашего праха, потому что Он пожелал нас, и выражение этой нашей желанности есть знак Крещения. Поэтому Папа не сводит Крещение к чему-то обычному, это нечто совершенно отличное от акта церковной социализации или от простого омовения, это гораздо больше: оно означает быть захваченными Христом навсегда. Это то, что определяет всех, какие бы чувства у нас ни были: «Мне это ни о чем не говорит»... Какая разница, что тебе говорит? Вопрос в следующем: это так или не так? Произошло это при Крещении навсегда. Характер таинства остается навсегда, как единственный знак Христа. В этом уверенность жизни. Кто может полагаться в жизни на то, что делает он? Мы всегда находимся во власти наших страхов. Уверенность жизни именно в этом жесте Христа, который захватил меня навсегда, и поэтому я могу все начать заново. И что позволяет мне осознать, что такое Крещение? Харизма, Церковь.

Чезана: «Что значит любить Христа, быть влюбленным в Христа? Объект как будто не ясен (единство, Церковь). Я знаю, что такое страсть к мужу и сыну, но не знаю что такое страсть ко Христу. Если бы я была поставлена перед выбором между жизнью моего сына и тем фактом, что Христос действительно воскрес, я выбрала бы первое»... и тогда умрешь ты, твой сын и твой муж!

Каррон: Порой мы не знаем, что говорим... Кто тебе дал и кто дает тебе твоего сына? Кто может сохранить его для тебя? Кто может вести его к свершению? Это изумляет больше всего, меня поражает это. Отец, который держит на руках только что родившегося ребенка, может плевать на свою собственную жизнь взрослого человека, на свою судьбу счастья, но не может не трепетать перед тем, что будет с этим ребенком. Ты, перед лицом этого трепета, можешь что-то предложить в качестве исчерпывающего ответа на судьбу твоего сына? Что будет с твоим сыном, если он не найдет причины для жизни? Он будет упрекать тебя за

то, что ты родила его. Христос не противопоставляется твоему сыну. Христос умер и воскрес ради твоего сына и ради тебя, дабы у твоего сына было основание для жизни.

Чезана: «Ты сказал, что Христос воскресший – это суждение. Что это значит в повседневной жизни?».

Каррон: То, что я не могу свести реальность к видимости того, что в этот момент мне кажется, то, что реальность образована Христом, что «все Им стоит». И к этой уверенности ученики пришли именно потому, что Христос победил смерть.

Чезана: Если бы не Христос, реальность исчезла бы.

Каррон: Точно. Какой опыт пережили ученики Христа (потому что они не посещали философскую школу)? Какой опыт отношения со Христом они пережили, что в конечном итоге говорили, что все создано через Христа и в перспективе Христа? Только в отношении.

Чезана: Я приведу тебе фразу Спинозы, которую прочитал вчера в газете Иль Фольо. Он говорил, что любая вещь, независимо от того, чем она является, стремится остаться в бытии, то есть, есть желание бессмертия, вечной ценности. Потому что если у реальности нет этой ценности, если у меня нет этой ценности, видимость побеждает, потому что я видимость: сейчас вы меня видите, а вскоре вы меня не увидите больше; надеемся, что вы еще будете видеть меня какое-то время!

Каррон: И это снова видно в решающие моменты жизни. Когда умер мой папа, я не хотел отводить глаз и успокаиваться. Я хотел смотреть ему в лицо, я хотел знать, это все или нет. Иначе мы должны отводить глаза от этого и отвлекаться. Но если я могу смотреть на прах моего папы вплоть до того, что в конечном итоге говорю, что «реальность – это Христос», тогда я могу смотреть на все, на все. Иначе, как случается обычно, нас охватывает страх, и есть столько событий в жизни, на которые мы не можем смотреть. Понимаете, почему мы не присутствуем в реальном, понимаете, почему настоящего нет?

Это ценность повседневности, не для того, чтобы иногда размышлять, а для того чтобы жить повседневностью. Но проблема в том, что для нас это абстрактно, потому что не хватает близости со Христом, и поэтому нам подчас это не приходит даже в голову. Но отец Джуссани, – как я говорил раньше, – во всем видел это: «Я, Христос,

есть та Тайна, которой не хватает всему тому, чем ты наслаждаешься»: во всем он испытывал это. И не потому, что Джуссани мистик; как ты, когда ты любишь кого-то, ты не можешь не видеть заката, не видеть солнца, не видеть цветов, не видеть весну, не думая об Ином. Вопрос в том, есть ли что-то реальное, реальное Ты, реальное! Тому, у кого нет этого, реальное Ты не приходит даже на ум. Какие тут фантазеры! Мысль об Ином приходит в голову только тому, с кем случилось что-то, отношение, которое нужно ему, чтобы жить.

Чезана: «Мы спрашиваем, можно ли сказать, что то же волнение и то же благоговение, которые я испытываю по отношению ко Христу, отражаются в моем отношении к определенным лицам из данной мне общины».

Я помню одну фразу, которую мне сказал отец Джуссани незадолго до своей смерти, когда мы комментировали определенную непроницаемость между нами. Он сказал мне: «Нельзя любить Бога, не любя людей, но нельзя любить людей, не любя Бога».

КАРРОН: «Человек... уподобляется тому, на что обращен его взор» (Григорий Нисский). То же самое благоговение, которое я испытываю перед Христом охватывает меня, когда я смотрю до самого конца на то, что есть в лицах общины. Как говорил святой Григорий Нисский и говорит Папа в энциклике: Христос сопровождает нас, после воскресения, «через людей, в которых Он проявляется». Вот что такое община, вот что такое наша община: община людей, захваченных Христом в Крещении и живущих памятью о Христе, глядя на которых можно увидеть Его Присутствие. «Я – это уже не я, Ты живешь во мне». Вот что такое наша община: не просто община и все, а Христос, присутствующий в общине. Вопрос в том, когда мы сводим общину, как реальность, к видимости. Тогда мы вместе, но никто, будучи вместе, не думает о Христе. Это беда.

Вы в эти дни вынуждены были думать о Христе? Это истинная община: если человек приобщается к тому месту, которое помогает назвать Его имя, не как что-то дополнительное для мечтателей, но потому, что изобилие Его присутствия настолько сильно нас потрясает, что я не могу не сказать взволнованно: «Кто Ты, Христе?»

Чезана: Чтобы назвать судьбу по имени.

Каррон: Да

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО ВЕНТОРИНО

Единственной серьезной проблемой в жизни является признание Христа воскресшего. Само утверждение сердца как объективного критерия истины достигает кульминации в возможности разумности веры, потому что Христос воскресший является тем единственным событием, которое делает человеческую жизнь приемлемой для разума и сердца. Иначе все есть ничто, все было бы ничто, обречено на небытие. Только это событие наделяет вечной основательностью все. Вот почему Христос настойчиво убеждает Своих: «Прикоснитесь ко Мне, смотрите на Меня: Я не призрак, то есть не проекция ваших желаний и ваших страхов. Это Я, реальное событие». Вчера мы слышали, что Он становится частью физического опыта учеников: историческим событием.

И нам Христос говорит: «Это Я: прикоснитесь ко Мне, посмотрите на Меня!». Но где мы можем прикоснуться к Нему, посмотреть на Него? Мы помещаемся в то место, где существуют все эти знаки присутствия Христа. И эти знаки, – как говорил нам отец Джуссани, – заключаются в том, что наш опыт некоторым образом вырывается из своей естественности. Нечто иное врывается, взрывается внутри. Подумайте, девство, мученичество, супружеская верность вплоть до принесения жертвы, плодовитость в детях, бескорыстное принятие чужих детей. Это обладание с внутренним отдалением. Это чудо делает разумным чудо веры, то есть то чудо, благодаря которому наш разум преодолевает себя самого, дабы признать, что основой всего является Он присутствующий.

Но чтобы признать Христа нужно преодолеть соблазн формы Его уничижения, той формы уничижения, которая необходима для того, чтобы стать и явить себя Господом всего сущего: «Христу должно пострадать», напоминает Иисус Своим ученикам. Это «должно» очень важно, этот соблазн формы уничижения до смерти, необходимый для того, чтобы Он стал Господом и явил Себя всем как Господь. Но эта красота Распятого, воистину божественная и всецело человеческая, единственная вырывает нас из небытия. Он вырвал нас из небытия.

У нас до сих пор стоит перед глазами та красота, которую достигла человечность отца Джуссани через его смерть. Каким образом? Через эту смерть мы получили благодать, – как неоднократно говорил отец Каррон, – такого радостного, такого согласованного, такого уверенного перехода в руководстве нашего движения, что является чудом. Через эту

смерть мы получили благодать нового отцовства, отцовства отца Каррона.

Действительно, Христу должно страдать, чтобы стать Господом, действительно, это является судьбой каждого из нас: наша плодovitость, наше воскресение проходит в сообразовании с послушанием Его смерти.

ПОЛУЧЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ

*Его Преподобию Отцу Хулиану Каррону
Председателю Братства Comunion e Liberazione*

Достопочтенный Господин,
в Своем письме от 6 апреля сего года и в соответствующем приложении Вы от имени Братства проинформировали Святого Отца о Духовных Упражнениях, которые пройдут в Римини с 28 марта по 30 апреля 2006 года и будут прочитаны Вами на тему «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас». Признательный за внимание и заботу, а также за проявленные чувства, Его Святейшество желает, чтобы эти дни размышлений и молитвы привели к обновлению обязательства единения со Христом и верности Церкви, и поручая благополучный исход встречи Пресвятой Деве Марии, с любовью преподает Вам, всем тем, кто примет участие в этом важном духовном начинании и всему Братству Comunion e Liberazione испрашиваемое апостольское благословение. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить вам свое почтение.

Ваш преданный в Господе,

*Е.В.П. кардинал Анджело Содано,
Государственный секретарь*

Возлюбленные,

«Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас». Это глубокое утверждение дорогого нам Монсеньора Луиджи Джуссани открывает сердце и разум к преображению. То, что происходит сейчас, среди последователей Того, Кто умер и воскрес для нас, – это Его объективное присутствие, которое является для нас залогом свершения. Любовь таким образом становится заповедью, потому что, – как нам напоминает Святой Отец в *Deus charitas est*, – Иисус дарует нам Себя как живое и личностное милосердие.

И в этом году в вере и в таинствах Церкви обновляется по случаю Упражнений чудо воскресения нашего «я» ряды блага всех людей, наших братьев. Да направляет Пресвятая Дева свободу каждого к тому смиренному «да» сыну Ее Иисусу, неиссякаемому источнику непрестанно обновляемого очарования христианского события.

В Господе приветствую вас, и благословляю.

*Е.В.П кардинал Анджело Скола
Патриарх Венеции*

Дорогой отец Хулиан,

Я с тобой и со всеми друзьями из движения, участвующими в эти дни в Духовных упражнениях Братства *Comunione e Liberazione*.

Я молюсь, дабы этот жест стал великим моментом Истины и роста в опыте харизмы отца Джуссани и в миссионерском радении о жизни Церкви в нашем израненном и запутавшемся мире.

Вдохновленные отеческой любовью и учительством Бенедикта XVI во всех странах, где мы присутствуем, мы можем стать знаком человеческого очарования Иисуса.

В братском общении

Е.В.П., монсеньор Филиппо Санторо

Епископ Петрополиса

ПРИСЛАННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

*Ваше Святейшество,
Бенедикт XVI*

«Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас». Ваше Святейшество, эти слова отца Джуссани ознаменовали размышления 27.000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся в Римини на ежегодные Духовные Упражнения, и всех наших друзей, находящихся с нами на связи из 60 стран на пяти континентах.

Направляемые Вашими словами: «У истоков нашего христианского существа лежит не этический выбор и не великая идея, а встреча с событием, с личностью, открывающей новый горизонт жизни и тем самым придающей ей решающее направление», мы углубили сознание встречи с харизмой отца Джуссани, через которую нас достигло присутствие Христа, подобно тому, как это случилось с учениками из Эммауса, к которым приблизился по дороге Иисус воскресший в плоти, вырванными из небытия, нависающего над каждым из нас, и как они стали «Его» благодаря действию Святого Духа. Наша сила в принадлежности Ему, в надежном русле Церкви.

Ожидая встречи с Вашим Святейшеством на Площади Святого Петра 3 июня, вверяем Вашей отеческой заботе всех нас: осозная все наши изъяды и слабости, мы хотим свидетельствовать о том, как прекрасно быть христианами. Мы будем каждый день обновлять обязательство молить Богородицу и отца Джуссани, дабы они оберегали Вас, избранного Богом возглавить Церковь, дабы слава Его Сына пребывала в истории.

священник Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Камилло Руини
Председателю ЕКИ*

Ваше Высокопреосвященство, 27000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся в Римини на ежегодные Духовные Упражнения, и все, находящиеся с ними на связи из 60 стран пяти континентов, размышляли над фразой отца Джуссани: «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас».

Мы благодарим Вас за Ваше непрестанное свидетельство о присутствии Христа, живущего здесь и сейчас в реальности христианского народа, шагающего по Италии, и восхищены единением с Бенедиктом XVI, переживаемым вплоть до сообразования.

Мы подтверждаем обязательство являть во всех сферах жизни и труда

соответствие христианского события основополагающим потребностям сердца каждого и рождающуюся из этого новую культуру.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П, монсьёру Джузеппе Бетори
Секретарю ЕКИ*

Ваше Преосвященство, 27000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся в Римини на ежегодные Духовные Упражнения, и все, находящиеся с ними на связи из 60 стран пяти континентов, размышляли над фразой отца Джуссани: «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас».

Мы обновляем обязательство свидетельствовать во всех сферах итальянского общества о событии Христа воскресшего, являющегося единственным ответом на желание счастья, присутствующего в сердце каждого, следуя Бенедикту XVI и Епископам в общении с Ним, дабы Церковь жила как надежда народа.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П, монсьёру Жозефу Клеменсу,
Секретарю Папского Совета по делам мирян*

Ваше Преосвященство, 27000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся в Римини на ежегодные Духовные Упражнения, и все, находящиеся с ними на связи из 60 стран пяти континентов, размышляли над фразой отца Джуссани: «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас».

Благодарные Его Высокопреосвященству, монсьёру Рылько за то, что он разделил с нами Евхаристическое богослужение, знак общения со всей Церковью, мы заявляем о своем обязательстве следовать за Бенедиктом XVI, дабы стать свидетелями-мирянами в мире о том, как прекрасно быть христианами. В ожидании встречи со Святым Отцом в Навечерие Пятидесятницы, просим молиться о святости всего движения.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П, монсьёру Паоло Ромео,
Апостольскому Нунцию Италии*

Ваше Преосвященство, 27000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся в Римини на ежегодные Духовные Упражнения, и все, находящиеся с ними на связи из 60 стран пяти континентов, размышляли над фразой отца Джуссани: «Мы живем из любви к тому, что происходит сейчас». По-сыновьи следуя за Бенедиктом XVI, страстно любящим Христа живого, мы

вернемся домой более уверенными в том, что быть христианами – это так прекрасно, и более готовыми свидетельствовать об этом в Италии.

Свящ. Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Анджело Скола
Патриарху Венеции*

Ваше Высокопреосвященство, собравшиеся в Римини на Духовные Упражнения Братства вместе с друзьями со всего мира, находящимися с нами на связи, мы обнаружили, что мы еще больше очарованы Христом, привлекающим нас силой Своего воскресшего Тела, и еще больше готовы стать Его инструментами свидетельства в мире, в верности харизме, дарованной нашему общему отцу Джуссани, продолжающему бросать вызов нашей свободе.

Благодарные за послание, свидетельство истинной братской любви, мы просим Вас молиться Отцу, дабы Он соделал более достойным и надежным наш путь к святости, уверенные в том, что Христос – это самое дорогое, что у нас есть в мире.

Свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П. монсьёру Филиппо Санторо
Епископу Петрополиса (Бразилия)*

Ваше Преосвященство, благодарные за Ваше послание, позволившее Церкви, находящейся в Латинской Америке, присутствовать на Упражнениях в Римини, благодарные и уверенные во встреченной нами харизме, делающей привлекательным для каждого из нас присутствие Христа, вырывающего нас из небытия, уверяем Вас в нашей молитве к Богородице о миссионерской деятельности в Бразилии, в которой мы продолжаем участвовать ради жизни Церкви, надежды мира.

свящ. Хулиан Каррон

Приложение

ИСКУССТВО В НАШЕМ СООБЩЕСТВЕ

Составитель Сандро Кьеричи

(Руководство к прочтению образов, заимствованных из истории искусства, сопровождающих слушание отрывков классической музыки при входе и выходе)

Человек, забывший о Завете, который Бог заключил с ним, обречен на утрату своего лица и чувствует свою неспособность предстать пред лицом реальности. Память о Боге, соделавшимся человеком, и ставшим присутствием, которое можно встретить, благодаря «да» Марии, пробуждает вкус к жизни, возможность испытывать радость в общине и в зримом месте и стремление, дабы Слава Христа была признана.

I

1. Марк Шагал, *Радуга, знак завета между Богом и землей*. Ницца, Музей Мессаж Библик Марка Шагала
2. Марк Шагал, *Сотворение человека*, деталь. Ницца, Музей Мессаж Библик Марка Шагала
3. Рене Магритт, *Вечер*, Хьюстон, Собрание Менил.
4. Рене Магритт, *Человек в котелке*. Нью-Йорк. Собрание A. Carter Pottash.
5. Рене Магритт, *Великая война*. Частное собрание.
6. Рене Магритт, *Любовники*, Нью-Йорк, Собрание Richard S. Zeisler.
7. Джорджо де Кирико, *Супруги*, Гренобль, Музей живописи и скульптуры.
8. Балтус (Балтазар Клоссовски де Рола), *Passage du Commerce Saint-Andriй*. Частное собрание.
9. Балтус, *Дорога*, Нью-Йорк, Музей Современного Искусства.
10. Балтус, *Дети Бланишар*, Париж, Национальный Музей Пикассо.
11. Балтус, *Три сестры*. Каракас, Собрание Patricia Phelps de Cisneros.
12. Балтус, *Девушка у окна*. Частное собрание.
13. Каспар Давид Фридрих, *Женщина у окна*. Берлин, Национальная галерея.

II

14. Лоренцо Лотто, *Благовещение*. Реканати, Городская пинакотека.
15. Рождество, Миниатюра пролога Евангелия от Иоанна. Апостольская Ватиканская Библиотека, ms. Urb. Lat. 2, Библия Федерико да Монтефельтро. Том II, f. 239 recto.
16. Беато Анджелико, *Сретение*, деталь. Флоренция, Монастырь Святого Марка, келья 10.
17. Дуччо да Бонинсенья, *Встреча с самарянкой*. Величественность, Мадрид Собрание Thyssen-Bornemisza.
18. Беато Анджелико, *Нагорная проповедь*, Флоренция, Монастырь Святого Марка, келья 32.
19. Беато Анджелико, *Общание Апостолов*, Флоренция, Монастырь Святого Марка, келья 35.
20. Беато Анджелико, *Сошествие во ад*, Флоренция, Монастырь Святого Марка, келья 31.
21. Беато Анджелико, *Noli me tangere*, Флоренция, Монастырь Святого Марка, келья 1.
22. Беато Анджелико, *Христос воскресший и благочестивые женщины у гроба*, Флоренция, Монастырь Святого Марка, келья 8.
23. Дуччо да Бонинсенья, *Встреча с учениками из Эммауса*. Величественность. Сиена, Музей Кафедрального Собора.
24. Дуччо да Бонинсенья, *Явление при море Тивериадском*, Величественность. Сиена, Музей Кафедрального Собора.
25. Дуччо да Бонинсенья, *Неверие Фомы*, Увенчание Величественности, Сиена, Музей Кафедрального Собора.
26. Дуччо да Бонинсенья, *Явление в горнице*, Величественность, деталь, Сиена, Музей Кафедрального Собора.
27. Дуччо да Бонинсенья, *Явление во время вечера апостолов*. Увенчание Величественности, Сиена, Музей Кафедрального Собора.
28. Дуччо да Бонинсенья, *Явление на горе Галилейской*, деталь Увенчание Величественности. Сиена, Музей Кафедрального Собора.
29. Дуччо да Бонинсенья, *Пятидесятница*, Увенчание Величественности. Сиена, Музей Кафедрального Собора.
30. Дуччо да Бонинсенья, *Прощание Девы Марии со святым Иоанном*. Увенчание Величественности, Сиена, Музей Кафедрального Собора.
31. Мастер Сан Мартино, *Мадонна с младенцем и ангелами*, Деталь, Пиза. Национальный Музей Святого Матфея.
32. Якопо Торрити, *Увенчание Марии*, мозаика. Рим, Санта Мария Маджоре

III

33. Марк Шагал, *Белла и Ида у окна*. Частное собрание.
34. Жан Франсуа Милле, *Женщина, которая шьет рядом со своим уснувшим ребенком*, Бостон, Музей Изыщных искусств.
35. Жан Франсуа Милле, *Урок чтения*. Бостон, Музей Изыщных искусств.
36. Жан Франсуа Милле, *Первый урок вязания*. Бостон, Музей Изыщных искусств.
37. Жан Франсуа Милле, *Второй урок вязания*. Бостон, Музей Изыщных искусств.
38. Жан Франсуа Милле, *Настриг*, Бостон Музей Изыщных искусств.
39. Телемако Синьорини, *На отдыхе в Риомаджоре*. Частное собрание.
40. Телемако Синьорини, *Процессия в Сеттиньяно*. Частное собрание.
41. Телемако Синьорини, *Торговцы хворостом на сельской дороге*. Частное собрание.
42. Хосе Клемент Ороско, *Семья*. Мехико, Колледж Сан-Илдефонсо.
43. Николо Канниччи, *Хоровод*, деталь. Частное собрание.
44. Анри Матисс, *Настурции и «Танец»*. Москва, Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина.
45. Марк Шагал, *Мария танцует*, Ницца, Музей Мессаж Библик Марка Шагала.
46. Дэвид Хокней, *Garrowby Hill*. Музей изящных искусств.
47. Дэвид Хокней, *Going up Garrowby Hill*. Частное собрание.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГРУПП БРАТСТВА

Указания, следующие далее, подсказаны опытом этих лет и имеют своей целью ответить группам Братства, которые выразили желание более серьезной постановки их жизни, личной и общинной.

1. Послушание указаниям того, кто руководит всем Братством

Тот, кто принимает участие в жизни Братства, призван к послушанию указаниям того, кто руководит всем Братством, в ответственной причастности жизни Движения вплоть до привязанности.

2. Природа и состав группы

Группа состоит из взрослых людей, которые свободно ее избирают и образуют. Руководящей идеей Братства является открытие того, что взрослый человек столь же ответственен за свою работу и за свою семью, сколь и за свою святость: за жизнь как путь к святости, то есть за жизнь как призвание.

Взрослый, будучи ответственным, объединяется с другими, кто признает ту же самую ответственность пред лицом жизни как призвания.

Согласно методу, преподаваемому Движением, все должны желать, чтобы существовала группа Братства, даже если вступление в нее является персональным.

3. Руководство: каждая группа должна быть руководимой

Каждая группа должна быть руководимой. Руководитель не совпадает механически с фигурой приора, но с лицом авторитетным в евангельском смысле: это верующий человек, который может происходить даже не из самой группы.

Руководитель должен передавать метод жизни: учить все приводить к основополагающей идее, размышляя, созерцая, любя которую, может родиться «все остальное». Вот начало нашего метода: христианская жизнь рождается благодаря встрече с неким Присутствием, следуя за которым человек преобразуется. Именно в этом преображении спокойно созревает идея правила.

Руководитель должен поощрять подлинную серьезность в вере. Руководитель направляет группу, утешает ее, помогает исправлять неизбежную склонность к искусственности и морализму.

Постоянные отношения с человеком «внешним» для группы (священником, ответственным Движения, членом *Memores Domini*) может избавить от преувеличения значимости собственной группы в ущерб единству всего Братства, которое не является ассоциацией независимых групп.

Каждая группа должна иметь приора, который исполняет функции секретаря (объявления, распределение текстов и т.д.) и следит за общим порядком. Приор придерживается директивных указаний, полученных из Центра через епархиального и регионального ответственного и члена исполнительного органа, которому поручена забота о регионе.

4. Правила

В жизни группы правила направлены на развитие отношения между человеком и Христом и, следовательно, на развитие Движения в служении Церкви.

а) Молитва

Каждая группа должна установить себе молитвенное правило: это может быть чтение Радуйся, Мария по вечерам или ежедневное участие в Мессе. Неважно, какая избирается форма: минимальная или максимальная. Самое важное – это жест молитвы и верность ему.

б) Бедность

Ежемесячный взнос в общий фонд всего Братства, который подразумевает жертву, направлен на развитие сознания бедности как евангельской добродетели. Как говорит Святой Павел: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем». Истинный способ обладать всем — это отдалиться от всего. Можно взять на себя обязательство только в сто лир, но их верное внесение имеет основополагающее значение призыва, потому что это конкретный и направленный на достижение единства жест. Кто не возьмет на себя этого обязательства, не может считать себя членом Братства.

в) Развитие знания учения Церкви

Катехизическое углубление в Движении – это Школа общины: она просвещает наше постоянное образование. Она должна проходить с использованием Упражнений и «всплывающих» текстов Движения, поясняющих контекст, в котором осуществляется «путь», указанный Школой общины.

В случае если Школа общины проходит вне группы (как результат миссионерского присутствия взрослого в среде), группа Братства должна размышлять над духовными упражнениями или текстами, указанными Движением, в любом случае обязательно поддерживая связь со Школой общины.

5. Дело

Дело Братства – это развитие Движения в служении Церкви. Следовательно, взятие на себя особых обязательств направлено именно на это (см. послание новым членам Братства).

ОБРАЗ ГРУППЫ БРАТСТВА

1. Введение

Присоединение к Братству является личным решением каждого: оно действительно и имеет силу как при наличии группы, так и без нее. Это основополагающий принцип, в силу которого человек проживает свою веру «от сердца» (то есть свободно и непосредственно), послушаясь «тому образу учения, которому предали себя» (Иозеф Ратцингер, «Презентация нового Катехизиса», *Оссерваторе Романо*, 20.01.1993).

Предлагаемый ниже образ группы братства являет собой способ, который призван поддержать личное присоединение ко всему Братству.

2. Цель и природа группы Братства

Группа братства – это место христианской дружбы, иначе говоря, место, где осуществляется призыв к нашему обращению и памяти о нем; место, где желание жить ради Христа становится свободнее и крепче. Место памяти необходимо и потому, что всегда легче быть исправляемыми, чем исправлять самих себя. Группа братства, как образ всего Братства в целом, – это «выраженное сознание того, что мы находимся в пути, что у нас есть судьба, и поэтому это помощь в углублении сознания, помощь в углублении познания и сознания» (Luigi Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, San Paolo, Cinisello Balsamo 2002, p. 105). Это «близость людей, которая принимается как школа, как школа [...] где мы учимся любить другого человека» (*Ibidem*, стр. 168).

«Группа братства должна стать побуждающим к действию и преображающим нас местом» (*Ibidem*, стр. 39).

Группы братства помогают в достижении личной святости и в призвании, на которое мы отвечаем, братство помогает реализовать «потребность жить верой и все больше вовлекаться в нее» (Луижиди Джуссани. *Послание новым членам Братства* в *ibidem*, стр. 249), так, чтобы внести вклад в дело спасения, которое Христос начал в мире через Свою Церковь.

3. Метод (Каков критерий для выбора группы?)

Критерием выбора группы является близость, возможность общей жизни, к которой необходимо стремиться. Самая первая близость, которая позволяет признать ценность любой другой близости, основана на призвании. В этом смысле группы братства «должны возникать согласно естественным сближению и выбору людей без каких-либо установленных заранее схем (“среда” – это, прежде всего, межличностные отношения и лишь затем некая территория или социальный класс)» (*Ibidem*, стр. 40).

Группа братства может зародиться и из уже существующей дружбы, однако выбор группы прежде всего предполагает суждение о необходимости присутствия этих людей для укрепления веры и помощи в жизненных потребностях.

Следствием такого особого сообщества является открытие того, что во все большем числе находящихся рядом людей мы находим братьев: это миссионерство – самое истинное выражение опыта братства.

«Поэтому выражение общностного характера – это вовлечение всей жизни, так что происходящее с другим уже не может не отражаться на нашей жизни и не вовлекать ее» (Луижди Джуссани. *Послание новым членам Братства в ibidem*, стр. 251-252).

4. Правило и управление

Правило, рекомендуемое для групп братства, предлагается как помощь, которая оказывается каждому в том обязательстве, которое человек берет на себя, вступая в Братство. Это правило предусматривает:

- ежедневное минимальное *молитвенное правило*;
- реальное воспитание *к бедности* (осознание ценности денег через пожертвования в *общий фонд*);
- поддержка *дела движения* (возможно посредством особой деятельности);
- углубление в понимании *учения Церкви*.

Таким образом «выражением групп братства не может быть обсуждение текста» (*Ibidem*, стр. 83), которое не становится сопоставлением с материальными и духовными потребностями жизни.

Это проясняет также задачу и порядок Школы общины. «Глубоко проживаемая Школа общины должна становиться для взрослых Братством. [...] Поэтому Школа общины – это “несостоявшееся” Братство, то есть еще не Братство, потому что находится еще у поверхности нашего обязательства: это больше упражнение, чем жизнь» (*Ibidem*, стр. 167). Все потенциально является братством.

Группы братства управляются посредством *Духовных упражнений*; повторения работы над ними: собраниями для работы над текстами и, иногда, *Региональными Собраниями*. Приор выполняет важную функцию секретаря, главным аспектом которой является сообщение указаний Центра; он не является несменяемым, поскольку каждый должен нести ответственность за жизнь своего братства. Группы братства могут выбирать «руководителей», авторитетных в евангельском смысле людей, которые могут и не входить в данную группу братства, но в любом случае одобряемых Исполнительным центром.

Целью всех указаний является развитие христианской человечности: человечности

реально отличающейся образом мышления, чувствования и, по возможности, поведения.

Всю суть и содержание Братство, разумеется, находит в Движении и в рамках того направления, которое дается Движению. Представляется не целесообразным добавлять какие-либо инструменты управления Братством, помимо уже предусмотренных (послания и выступления основателя; главная диакония, региональные собрания ответственных, и т.д.). Напротив, важно находиться в серьезной и ответственной позиции по отношению к существующим инструментам воспитания и по возможности готовить их, посылая свои личные свидетельства, предложения и вопросы тем, кто несет за них ответственность. В особенности важно подчеркнуть значение регулярных собраний, которые должны включать в себя: момент размышления (напоминающий актуальность Упражнений); момент молчания, собрание и Святую Мессу.

Сноски

- ¹ «Послание Отца Джуссани к участникам XXV паломничества Мачерата-Лорето», *След*, июль-август 2003.
- ² *Лк 24,21*.
- ³ *Лк 24,32*.
- ⁴ Якопоне да Тоди, *Stabat Mater*, стихи 28-30.
- ⁵ Ср. В. Соловьев, «Краткая повесть об Антихристе», в *Три диалога*.
- ⁶ L. Giussani, *Il rischio educativo*, Rizzoli, Milano 2005, pp. 20-21.
- ⁷ Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, Энциклика, 25 декабря 2005, I, 1.
- ⁸ «Комета» – ассоциация в Комо, принимающая несовершеннолетних в семейную общину.
- ⁹ Грэм Грин, *Конец одного романа*, Переводчик: Трауберг Н. «Иностранная литература», 1992, N. 5-6
- ¹⁰ Ch. Péguy, *Cartesio e Bergson*, Milella, Lecce 1977, p. 236.
- ¹¹ Блез Паскаль. *Мысли*. М.: «Художественная литература», 1974
- ¹² S. Ravese, *Dialoghi con Leucò*, Einaudi, Torino 1947, pp. 165-166.
- ¹³ Ср. Г. Ибсен, *Пер Гюнт*, акт V, Перевод П. Карпа. Драммы. Стихотворения Библиотека Всемирной Литературы М., «Художественная литература», 1972.
- ¹⁴ Л. Джуссани, *Христианство как вызов*, М.: Христианская Россия, 1993
- ¹⁵ L. Giussani, *Una presenza che cambia*, BUR, Milano 2004, p. 369.
- ¹⁶ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия. 1997.
- ¹⁷ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, М.: Христианская Россия. 2000.
- ¹⁸ L. Giussani, *L'io, il potere e le opere*, Marietti, Genova 2000, p. 53.
- ¹⁹ H. Arendt, *Archivio Arendt – 2. 1950-1954*, Feltrinelli, Milano 2003, p. 26.
- ²⁰ A. Finkielkraut, *La sconfitta del pensiero*, Lucarini, Roma 1989, p. 108.
- ²¹ R. Guardini, *Ritratto della malinconia*, Morcelliana, Brescia 1952, pp. 29-30.
- ²² Там же, стр. 46-47, 53, 55.
- ²³ Кафка, цитируется в L. Giussani, *Il senso di Dio e l'uomo moderno*, BUR, Milano 1998, p. 107.
- ²⁴ F. Kafka, *Aforismi di Zürau*, n. 13, Adelphi, Milano 2004, p. 27.
- ²⁵ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия. 1997.
- ²⁶ J. Ratzinger, «Presentazione del nuovo Catechismo», in *L'Osservatore Romano*, 20 gennaio 1993.
- ²⁷ F. Werfel, *Verdi. Il romanzo dell'opera*, Corbaccio, Milano 2001, p. 247.
- ²⁸ Ср. E. Lévinas, *Umanesimo dell'altro uomo*, Nuovo Melangolo, Genova 1998, p. 119.
- ²⁹ Святой Бернард Клервоский, *Проповедь на Песнь песней*.
- ³⁰ Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, цит. произ., I, 12 e 13.

- ³¹ Л. Джуссани, «Рождество: тайна Божьего умиления». След, декабрь 2005.
- ³² Л. Джуссани, «Евхаристия: присутствующая и знакомая Реальность», След, октябрь 2005.
- ³³ Мк 10,46-52
- ³⁴ J. Ratzinger, *La Bellezza. La Chiesa*, Libreria Editrice Vaticana – Itaca, Roma – Castel Bolognese 2005, p. 16.
- ³⁵ Н. Кабазилас, цитируется там же, стр. 15-16.
- ³⁶ J. Ratzinger, *La Bellezza. La Chiesa*, цит. произ. p. 19.
- ³⁷ J. Leclercq, *Meditazioni di vita cristiana*, Ed. Paoline, Roma 1956, pp. 21-22.
- ³⁸ R. Grotti, «Il nostro cuore», in *Canti*, Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, Milano 2002, p. 208.
- ³⁹ 1 Кор 15,14.
- ⁴⁰ Ср. Мф 28,20.
- ⁴¹ Benedetto XVI, «Veglia Pasquale nella notte santa», allegato a *Litterae Communionis-Tracce*, maggio 2006, p. 3.
- ⁴² Там же, стр. 3-4.
- ⁴³ Мф 26,56.
- ⁴⁴ Ср. Ин 20,19.
- ⁴⁵ Ср. Мк 16,8.
- ⁴⁶ Лк 24,38.
- ⁴⁷ Лк 24,21.
- ⁴⁸ Ср. Ин 20,27.
- ⁴⁹ Ин 20,15-16.
- ⁵⁰ Ср. Ин 21,15.
- ⁵¹ Ин 21,7.
- ⁵² Ин 21,12.
- ⁵³ Л. Джуссани, *Христос воскресший, поражение небытия*, След, апрель 2006.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Ср. *Катехизис Католической Церкви*, I, 643-644.
- ⁵⁶ V Воскресенье рядового времени амброзианского обряда, вступительная молитва.
- ⁵⁷ Benedetto XVI, «Veglia Pasquale...», цит. произ., p. 4.
- ⁵⁸ Гал 2,20.
- ⁵⁹ Benedetto XVI, «Veglia Pasquale...», цит. произ., p. 4.
- ⁶⁰ Л. Джуссани «Рождество, Тайна Божьего умиления», цит. произ.
- ⁶¹ Л. Джуссани, *Зачем Церковь*, М. Христианская Россия.
- ⁶² Benedetto XVI, «Veglia Pasquale...», цит. произ., p. 46.
- ⁶³ Киприан, *De Ecclesiae Catholicae unitate*, с. 23.
- ⁶⁴ Benedetto XVI, «Omelia. Santa Messa del Crisma», Giovedì Santo, in *L'Osservatore Romano*, 14 aprile 2006, p. 5.

- ⁶⁵ К.С. Льюис, *Боль утраты*.
- ⁶⁶ Ср. Григорий Нисский, *Беседы на Песнь Песней*, VIII.
- ⁶⁷ Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, цит. произ., I, 14.
- ⁶⁸ L. Giussani, *Il santo rosario*, Edizioni San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2003, p. 36.
- ⁶⁹ Ср. Григорий Нисский, *Беседы на Песнь Песней*, IV.
- ⁷⁰ M. Luzi, «Libro di Ipazia», в *Teatro*, Garzanti, Milano 1993, p. 76.
- ⁷¹ F. Werfel, *Nel crepuscolo del mondo*, Mondadori, Milano 1937, p. 421.
- ⁷² Ср. Ин 21,17.
- ⁷³ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino. In cammino*, Marietti, Genova 1999, p. 117.
- ⁷⁴ J. Green, *La luce che resta. Diario (1966-1972)*, Rusconi, Milano 1976, p. 219.
- ⁷⁵ Л. Джуссани, «Христос воскресший, поражение небытия», цит. произв.
- ⁷⁶ Ср. Jacopone da Todi, «Como l'anima se lamenta con Dio de la carita superardente in lei infusa», Lauda XC, in *Le Laude*, Libreria Editrice Fiorentina, Firenze 1989, p. 318.
- ⁷⁷ Ср. Кол 1,17
- ⁷⁸ A. Negri, «Atto d'amore», in *Mia giovinezza*, BUR, Milano 1995, p. 70.

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА БЕНЕДИКТА XVI	3
<i>Пятница, 28 апреля, вечер</i>	
ВВЕДЕНИЕ	4
Святая Месса – Проповедь отца Пино	8
<i>Суббота 29 апреля, утро</i>	
ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Наше сердце не заблудилось</i>	9
Святая Месса – Проповедь Е.В.П. Монсеньора Станислава Рылько	22
<i>Суббота 29 апреля, вечер</i>	
ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Сила Его воскресения</i>	27
<i>Воскресенье 30 апреля, утро</i>	
СОБРАНИЕ	37
Святая Месса – Проповедь отца Франческо Венторино	51
ПОЛУЧЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ	53
ПРИСЛАННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	55
<i>Приложение</i>	
ИСКУССТВО В НАШЕМ СООБЩЕСТВЕ	60
РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГРУПП БРАТСТВА	63
ОБРАЗ ГРУППЫ БРАТСТВА	65
<i>Сноски</i>	69

the 1990s, the number of people with health insurance rose from 70 to 85 percent, and the number of people with private health insurance rose from 40 to 55 percent.

As a result of the 1990s reforms, the number of people with health insurance rose from 70 to 85 percent, and the number of people with private health insurance rose from 40 to 55 percent. The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by large firms. In 1990, only 15 percent of people with health insurance were employed by large firms, but by 2000, this number had risen to 35 percent. This increase was due to the fact that large firms were required to provide health insurance to their employees, and many firms that had previously not provided health insurance began to do so.

The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by small firms. In 1990, only 10 percent of people with health insurance were employed by small firms, but by 2000, this number had risen to 20 percent. This increase was due to the fact that small firms were encouraged to provide health insurance to their employees, and many small firms that had previously not provided health insurance began to do so. The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were self-employed. In 1990, only 5 percent of people with health insurance were self-employed, but by 2000, this number had risen to 15 percent. This increase was due to the fact that self-employed individuals were encouraged to purchase health insurance through the individual market, and many self-employed individuals who had previously not purchased health insurance began to do so.

The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by government agencies. In 1990, only 5 percent of people with health insurance were employed by government agencies, but by 2000, this number had risen to 15 percent. This increase was due to the fact that government agencies were required to provide health insurance to their employees, and many government agencies that had previously not provided health insurance began to do so. The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by non-profit organizations. In 1990, only 5 percent of people with health insurance were employed by non-profit organizations, but by 2000, this number had risen to 15 percent. This increase was due to the fact that non-profit organizations were encouraged to provide health insurance to their employees, and many non-profit organizations that had previously not provided health insurance began to do so.

The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by large firms. In 1990, only 15 percent of people with health insurance were employed by large firms, but by 2000, this number had risen to 35 percent. This increase was due to the fact that large firms were required to provide health insurance to their employees, and many firms that had previously not provided health insurance began to do so. The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by small firms. In 1990, only 10 percent of people with health insurance were employed by small firms, but by 2000, this number had risen to 20 percent. This increase was due to the fact that small firms were encouraged to provide health insurance to their employees, and many small firms that had previously not provided health insurance began to do so.

The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were self-employed. In 1990, only 5 percent of people with health insurance were self-employed, but by 2000, this number had risen to 15 percent. This increase was due to the fact that self-employed individuals were encouraged to purchase health insurance through the individual market, and many self-employed individuals who had previously not purchased health insurance began to do so. The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by government agencies. In 1990, only 5 percent of people with health insurance were employed by government agencies, but by 2000, this number had risen to 15 percent. This increase was due to the fact that government agencies were required to provide health insurance to their employees, and many government agencies that had previously not provided health insurance began to do so.

The reforms also led to a significant increase in the number of people with health insurance who were employed by non-profit organizations. In 1990, only 5 percent of people with health insurance were employed by non-profit organizations, but by 2000, this number had risen to 15 percent. This increase was due to the fact that non-profit organizations were encouraged to provide health insurance to their employees, and many non-profit organizations that had previously not provided health insurance began to do so.